

Безмолвный пациент

Автор:

[Алекс Михаэлидес](#)

Безмолвный пациент

Алекс Михаэлидес

Жизнь Алисии Беренсон кажется идеальной. Известная художница вышла замуж за востребованного модного фотографа. Она живет в одном из самых привлекательных и дорогих районов Лондона, в роскошном доме с большими окнами, выходящими в парк. Однажды поздним вечером, когда ее муж Габриэль возвращается домой с очередной съемки, Алисия пять раз стреляет ему в лицо. И с тех пор не произносит ни слова.

Отказ Алисии говорить или давать какие-либо объяснения будоражит общественное воображение. Тайна делает художницу знаменитой. И в то время как сама она находится на принудительном лечении, цена ее последней работы – автопортрета с единственной надписью по-гречески «АЛКЕСТА» – стремительно растет.

Тео Фабер – криминальный психотерапевт. Он долго ждал возможности поработать с Алисией, заставить ее говорить. Но что скрывается за его одержимостью безумной мужеубийцей и к чему приведут все эти психологические эксперименты? Возможно, к истине, которая угрожает поглотить и его самого...

Алекс Михаэлидес

Безмолвный пациент

Alex Michaelides

THE SILENT PATIENT

© Alex Michaelides 2019

© Перевод на русский язык, О. Акопян, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Но отчего ж она молчит?

Еврипид «Алкеста»

Пролог

Из дневника Алисии Беренсон

14 июля

Не знаю, зачем я это пишу.

Впрочем, нет, пожалуй, знаю – просто не хочу себе признаваться. Даже не знаю, как назвать мое творение... Дневник? Слишком пафосно. Не то чтобы я собиралась рассказать нечто особенное. Одно дело – дневник Анны Франк[1 - Анна Франк (1929–1945) – еврейская девочка, погибшая в концлагере, автор дневника, написанного по-голландски в период оккупации Нидерландов

нацистами.]. Или дневник Сэмюэла Пипса[2 - Сэмюэл Пипс (1633–1703) – английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев в годы Реставрации Стюартов.]. Куда мне до них!.. Назвать свою писанину «журналом»? Слишком научно. Тогда придется вести его ежедневно, чего делать совсем не хочется: если это превратится в нудную обязанность, я все брошу.

Может быть, назову это «ничто». Пусть будет просто текст, который я время от времени стану дополнять. Так-то лучше. Стоит дать чему-то название, и вы сразу перестаете видеть картину целиком или понимать, почему это важно. Вы упираетесь в само слово. А ведь название – лишь крошечная часть явления, верхушка айсберга. Лично мне среди слов неуютно. Я всегда мыслю образами, мой стиль самовыражения – картины. Начать писать это я решила исключительно ради Габриэля.

С недавних пор я затосковала. Причин тому несколько. Я думала, что умело скрываю свое состояние, но он заметил. Конечно, заметил! От Габриэля ничего не скроется. Он спросил, как продвигается работа над картиной. Я ответила, что никак. Габриэль вручил мне бокал вина. Я уселась за столом на кухне, пока он готовил.

Обожаю смотреть, как Габриэль управляется на кухне. Его движения полны изящества: элегантно и собранно, как у балетного танцовщика. Не то что я – у меня все превращается в беспорядок.

– Поговори со мной, – попросил Габриэль.

– Что тут говорить? Иногда я просто застреваю в собственной голове. Ощущение, что я пробираюсь через грязь.

– А ты записывай свои мысли. Начни вести что-то вроде дневника. В этом может быть польза.

– Наверное, ты прав... Надо попробовать.

– Это все рассуждения, дорогая. Просто возьми и сделай.

– Сделаю.

Габриэль продолжал ворчать по этому поводу, но я так и не начала вести записи. И тогда несколько дней спустя он подарил мне небольшую книжечку в черном кожаном переплете с чистыми белыми листами из плотной бумаги. Я провела пальцами по первой странице (бумага оказалась приятная и гладкая на ощупь), заточила карандаш и начала писать.

Естественно, Габриэль оказался прав. Мне уже легче. Перенос мыслей на бумагу – это своего рода отдушина, освобождение; тетрадь – место для выражения себя. Немного похоже на психотерапию. Хотя Габриэль ничего не говорит, я догадываюсь, что он беспокоится о моем состоянии. А если начистоту (думаю, я могу себе это позволить), настоящая причина, по которой я все-таки решила вести дневник, – желание убедить Габриэля, доказать ему, что со мной все в порядке. Не могу допустить, чтобы он переживал. Не хочу, чтобы волновался, страдал или мучился из-за меня. Я очень люблю Габриэля. Несомненно, он мужчина всей моей жизни. Я люблю его так сильно, так сильно, что это меня пугает.

Иногда мне кажется... Нет. Такое я писать не стану. Здесь будут только позитивные идеи и образы – лишь то, что вдохновляет меня как художника и является толчком для творчества. Тут появятся исключительно радостные, счастливые, нормальные мысли... И никакого безумия.

Часть I

Тому, кто обладает зрением и слухом, ясно, что ни один смертный не способен хранить секреты. Пусть на губах печать молчания, нервно пляшущие пальцы красноречивее слов: тайну предательски выдаст тело.

Зигмунд Фрейд

«Вводные лекции в психоанализ»

Алисии Беренсон было тридцать три, когда она убила своего мужа.

Они провели в браке семь лет. Оба связали свою жизнь с искусством – Алисия писала картины, а Габриэль был преуспевающим фотографом в сфере моды. В неподражаемом авторском стиле он запечатлевал полуголых анорексичных девушек в самых странных и невыгодных ракурсах. После смерти Габриэля цена на его работы подскочила до астрономических сумм.

Честно говоря, я назвал бы эти снимки пустыми. Никакого сравнения с лучшими работами Алисии – в них ощущается настоящий дар. Я, конечно, не эксперт в живописи, чтобы сказать, выдержат ли ее картины испытание временем. Жуткий поступок Алисии всегда будет бросать мрачную тень на ее талантливые творения, поэтому в данном случае трудно быть объективным. Кроме того, вы можете обвинить меня в предвзятости. Это мое мнение, и только. Я считаю Алисию гениальной художницей. Помимо безупречной техники рисунка, ее картины обладают совершенно фантастической способностью сразу захватывать все внимание зрителя – прямо-таки брать за горло! – как в тиски.

Габриэля Беренсона убили шесть лет назад. Ему было сорок четыре. Это произошло двадцать пятого августа. То лето выдалось необычайно жарким – возможно, вы помните, столбик термометра порой достигал рекордно высоких отметок. А день убийства Габриэля Беренсона оказался самым жарким за весь год.

В тот роковой день Габриэль проснулся очень рано. В четверть шестого утра к их с Алисией дому на северо-западе Лондона в районе Хэмпстед-Хит подъехала машина, которая повезла его на съемку в Шордич [3 - Самое сердце творческой жизни Лондона, арт-район.]. Габриэль провел целый день на крыше здания, фотографируя модели для журнала «Вог».

О том, что в это время делала его супруга, известно немного. У Алисии вскоре должна была состояться выставка, и она не успевала закончить одну из картин к открытию. Наиболее вероятно, что в тот день Алисия работала в расположенном в глубине сада летнем домике, который недавно переделала под мастерскую. Съемка затянулась, и водитель привез Габриэля домой около одиннадцати вечера.

Примерно полчаса спустя живущая по соседству Барби Хеллман услышала несколько выстрелов. Она позвонила в полицию, и в 23:35 туда с участка Хаверсток-Хилл был направлен дежурный наряд. Через три минуты полицейские приехали на место вызова.

Входная дверь в дом была открыта настежь, внутри зияла кромешная темнота. Выключатели не работали. Офицеры вошли в холл, а затем проследовали в гостиную. Они пользовались карманными фонариками, освещая комнату прыгающими лучами. Наткнулись на Алисию, стоявшую у камина. Белое платье светилось, как у привидения. Казалось, ее совершенно не заботило присутствие полицейских. Молодая женщина стояла неподвижно, застыв, как вырезанная из куска льда статуя, со странной гримасой испуга на лице, будто столкнулась с невиданным ужасом.

На полу валялась винтовка. Чуть дальше в неоднородных тенях гостиной полицейские обнаружили неподвижно сидевшего на стуле Габриэля, привязанного к стулу; его щиколотки и запястья были крепко связаны прочным шнуром. Поначалу офицеры подумали, что он еще жив. Его голова свесилась набок, словно он был без сознания. Подняв луч фонарика, полицейские увидели, что Габриэль был убит несколькими выстрелами прямо в лицо. Пули навсегда уничтожили его красивые черты, оставив обожженное, черное, кровавое месиво. Стена позади головы убитого была покрыта разлетевшимися фрагментами черепных костей и мозга, клочьями волос – и кровью.

Кровь была повсюду: разбрызгалась на стенах, растеклась темными ручейками вдоль прожилок деревянных половиц. Офицеры полиции пришли к выводу, что кровь принадлежала Габриэлю. Однако ее было слишком много. Внезапно в свете фонаря блеснул какой-то предмет – на полу возле ног Алисии лежал нож. Второй луч высветил кровь, забрызгавшую ее белое платье. Один из офицеров взял Алисию за руки и направил на них фонарь – оба запястья распоролы глубокие порезы, свежие и сильно кровоточащие.

Алисия сопротивлялась попыткам остановить кровотечение. Утихомирить ее удалось лишь силами троих полицейских. Спустя всего несколько минут Алисию увезли в Королевскую клиническую больницу. Она рухнула, потеряв сознание по пути. Потеряла много крови, но выжила.

На следующий день в отдельной палате полицейские пытались задавать вопросы в присутствии адвоката Алисии, однако молодая женщина не

проронила ни слова. Ее губы были белые, бескровные. Иногда они вроде бы начинали двигаться, но с них не слетело ни звука. Алисия не ответила ни на один вопрос. Она не могла и, видимо, не желала говорить. И никак не среагировала даже на обвинение в убийстве Габриэля. Во время ареста Алисия по-прежнему молчала, не признавая и не отрицая свою вину.

С тех пор Алисия так и не заговорила.

Безмолвие главной подозреваемой превратило убийство Габриэля из обычного преступления на бытовой почве в нечто гораздо большее – в загадочную трагедию, в тайну, которая мгновенно сделалась сенсацией и заняла умы широкой общественности на месяцы.

И все же Алисия сделала одно заявление – посредством картины. Художница начала работу над полотном после того, как ее выписали из больницы и поместили до суда под домашний арест. Кроме того, суд счел необходимым приставить к Алисии сиделку, специализирующуюся на уходе за душевнобольными. По сообщениям сиделки, ее подопечная едва ела, практически не спала и почти безостановочно рисовала.

Обычно проходили недели и даже месяцы перед тем, как Алисия бралась писать новую картину. Она долго топталась на подготовительной стадии – рисовала бесконечные эскизы, создавала и переделывала композицию, пробовала разные варианты цветовых решений и форм, – пока на полотне не ложился последний мазок. Однако в этот раз она резко изменила творческий процесс, завершив полотно всего за нескольких дней.

Для большинства людей этого было достаточно, чтобы осудить ее. Каким надо быть бессердечным человеком, чтобы спокойно вернуться в мастерскую сразу после гибели супруга! И не мучиться угрызениями совести! Алисия Беренсон – хладнокровная убийца!

Возможно. Однако не стоит упускать из виду одну немаловажную деталь: даже если Алисия и убийца, она еще и художник. И тогда все встает на свои места (по крайней мере, для меня). Алисия хватается за кисти и краски и переносит на холст терзающие душу чувства и переживания. Неудивительно, что на сей раз живопись приходит к ней с такой легкостью. Если горе можно назвать «легким»...

Картина представляла собой автопортрет. В левом нижнем углу Алисия нанесла на холст название светло-голубыми греческими буквами.

Всего одно слово: «Алкеста».

2

Алкеста – героиня греческой мифологии. С ней связана одна из самых печальных историй любви. Алкеста добровольно отдала свою жизнь ради супруга, Адмета, согласившись умереть вместо него, поскольку все остальные отказались. Казалось бы, какое отношение трогательная легенда о самопожертвовании имеет к Алисии? Истинное значение намека долгое время оставалось неясным и для меня. Но однажды правда вышла наружу...

Впрочем, я слишком тороплюсь и забегаю вперед. Начну с самого начала, и пусть события говорят сами за себя. Я не стану ничего приукрашивать, менять местами или перевернуть. Пусть то, что случилось, предстанет перед вами постепенно, шаг за шагом.

С чего начать? Наверное, мне следовало бы представиться... Но нет, пожалуй, пока останусь в тени. Ведь рассказ не про меня. Главная героиня истории – Алисия Беренсон. Вот и начнем с нее. И с «Алкесты».

Картина, написанная Алисией сразу после убийства Габриэля, – это автопортрет. Художница изобразила себя дома, в своей студии, стоящей у мольберта с кистью. Алисия обнажена. Ее тело прорисовано в мельчайших деталях: по худощавым плечам рассыпались длинные пряди рыжих волос, сквозь бледную кожу просвечивают голубоватые вены, на обоих запястьях свежие шрамы от недавних порезов. В одной руке Алисия держит кисть, зажав ее между пальцами. С кончика кисти капает алая краска – или кровь? Алисия изобразила себя пишущей картину, и тем не менее холст нетронут. Он пуст, как и выражение ее лица. Алисия смотрит на зрителя через плечо, повернув голову назад. Губы разомкнуты, словно в беззвучном крике.

Пока шли судебные заседания, Жан-Феликс Мартен, управляющий небольшой галереей в Сохо, где выставлялись работы Алисии, принял неоднозначное решение показать «Алкесту». Это вызвало осуждение. Одни потом называли его

поступок сенсационным, другие – чудовищным. Зато факт, что автор картины находилась в тот момент на скамье подсудимых по обвинению в убийстве собственного мужа, обеспечил галерее Мартена огромные очереди – впервые за всю историю ее существования.

Стоя рядом с другими такими же ценителями искусства, я терпеливо ждал. Над нами ярко горели красные неоновые огни вывески магазина интимных товаров, находящегося по соседству от галереи. Очередь двигалась медленно, люди по одному осторожно заходили внутрь. Оказавшись в самой галерее, посетители, словно под гипнозом, шли в едином направлении, как возбужденная толпа на ярмарочной площадке, пробивающаяся через дом с привидениями. Наконец подошла моя очередь, и передо мной предстала «Алкеста».

Я уставился на картину. Смотрел в глаза Алисии, пытаюсь угадать, почему у нее такой взгляд, пытаюсь что-то понять, – но ничего не получалось. Портрет «молчал». Алисия безмолвно взирала на меня с холста. Пустая маска – непроницаемая и не поддающаяся прочтению. Как я ни силился, так и не смог определить по выражению лица, виновна она или нет.

Другие решили, что им это удалось.

– Настоящая злодейка, – прошипела женщина, стоявшая позади меня.

– Еще бы, – ответил ей мужчина. – Хладнокровная стерва.

«Ого! Категорично», – пронеслось у меня в голове. Ведь вина Алисии еще не доказана. Но благодаря усилиям желтой прессы общественное мнение было уже сформировано. Журналисты с самого начала повесили на Алисию ярлык злодейки: роковая женщина, «черная вдова», чудовище.

Факты же были просты. Полицейские застали Алисию в доме одну, с телом Габриэля. На винтовке обнаружены только ее отпечатки. Ни у кого не возникло ни малейшего сомнения – мужа застрелила именно Алисия. Зато вопрос, почему она это сделала, оставался без ответа.

Убийство Габриэля активно обсуждали в масс-медиа. В газетах, по телевидению и на радио были выдвинуты самые разные теории на этот счет. Приглашенные специалисты обвиняли, оправдывали, объясняли. Она наверняка должна была

стать жертвой бытового насилия со стороны мужа, чтобы ситуация зашла так далеко. Согласно другой теории, убийство – результат неосторожности в ходе сексуальных игр супругов, ведь Габриэля обнаружили со связанными руками и ногами. Кто-то подозревал, что это самое обыкновенное убийство на почве ревности. Скорее всего, Габриэль завел любовницу. Однако на суде брат охарактеризовал убитого как преданного мужа, по-настоящему любящего жену. Тогда, возможно, мотивом послужили деньги? Но Алисия мало что выигрывала в результате смерти мужа. Она была обеспеченной женщиной, унаследовав большое состояние своего отца.

Так и продолжались бесконечные пересуды об убийстве Габриэля и последующем молчании Алисии. Ответы не находились, становилось лишь больше вопросов. Почему она отказывается говорить? И что это значит? А может, она пытается что-то скрыть? Или защитить кого-то? Если да, то кого? И почему?

Помню, я тогда поймал себя на мысли: в то время как все говорили, писали и спорили об Алисии, в эпицентре этого шумного и неистового вихря оставалась пустота – тишина. Вакуум. Загадка. На одном из заседаний судья Алверстоун довольно критично высказался об упорном отказе подсудимой говорить.

– Невинные люди не стесняются открыто заявить о своей невинности! – произнес он.

Однако Алисия Беренсон не только продолжала молчать, но и не выказала ни единого признака раскаяния. Из ее глаз не упало ни слезинки – этому факту журналисты придали особенное значение. Ее лицо было неподвижным, холодным, застывшим.

Представитель защиты решил пойти по единственно возможному пути и объявил о частичной вменяемости подсудимой. Он сказал, что проблемы с душевным здоровьем начались у Алисии очень давно, еще в детстве. Основную массу этих сведений судья Алверстоун отклонил как неподтвержденные. Однако под конец заседания профессору Лазарусу Диомидису удалось несколько поколебать категоричность судьи Алверстоуна. Лазарус Диомидис был профессором судебной психиатрии в Королевском колледже, а также занимал должность руководителя клинических исследований в Гроуве – охраняемой психиатрической больнице на севере Лондона. Так вот, он утверждал, что молчание Алисии является красноречивым свидетельством перенесенного

сильнейшего стресса и это необходимо учесть при вынесении приговора. Если отставить витиеватые выражения, то фактически профессор высказал то, о чем психиатры очень не любят говорить прямо и открыто, а именно: Алисия душевно больна.

Это казалось единственным логичным объяснением всего случившегося. Иначе зачем ей связывать любимого супруга и стрелять ему в лицо в упор? И чтобы после такого не было раскаяния и объяснений? Она вообще не говорит. Сумасшедшая, не иначе.

В конце концов судья Алверстоун объявил, что принимает заявление защиты, и обратился к присяжным, чтобы это обстоятельство было ими учтено.

Было решено перевезти Алисию Беренсон в Гроув – под наблюдение профессора Диомидиса, заявление которого сыграло ключевую роль в решении суда. С другой стороны, если Алисия находилась в здравом уме и ее молчание было лишь умелым притворством, надо признать – хитрость удалась. Алисию приговорили к длительному тюремному заключению, однако в случае восстановления душевного здоровья через несколько лет ее могли бы досрочно освободить. И вот как раз сейчас Алисии бы самое время начинать «выздоровливать», верно? Пробормотать пару слов, сначала невнятно, потом еще и еще... Затем через силу выдавить слова раскаяния...

Ничего подобного! Шли недели, месяцы сменяли друг друга, минуло несколько лет – Алисия по-прежнему хранила молчание. Она не произнесла ни единого слова. Поскольку не последовало никаких откровений, постепенно интерес разочарованных журналистов к Алисии Беренсон иссяк. Для публики она стала очередной строчкой в длинном списке некогда известных преступников. Одной из тех, чьи лица большинство людей еще могут вспомнить, но имя уже забудут.

Большинство людей, однако не все. Некоторых, и меня в том числе, продолжало волновать загадочное дело молчаливой Алисии Беренсон. Как психотерапевт я не сомневаюсь, что во время убийства Габриэля ей пришлось перенести какую-то чудовищную душевную травму. И отказ говорить стал проявлением пережитого глубокого потрясения. Она не сумела свыкнуться с мыслью о совершенном ею убийстве, дрогнула и остановилась, будто сломанный автомобиль. Я мечтал помочь «запустить» ее снова, помочь ей рассказать свою историю, принять лечение и поправиться. Я хотел «починить» ее. Наверное, это прозвучит несколько самонадеянно, но я считал себя исключительно

квалифицированным специалистом, способным помочь Алисии Беренсон. Я судебный психотерапевт и частенько имею дело с самыми надломленными и уязвимыми членами общества. И еще: кое-что в истории Алисии задело меня за живое. С самого начала я испытывал к ней искреннее сочувствие. К несчастью, в те дни я работал в Бродмуре[4 - Бродмур – знаменитая лечебница для маньяков.], и мысли о работе с Алисией так и остались бы лишь мечтами, если бы в дело неожиданно не вмешалась судьба.

Лет через шесть после того, как Алисию поместили в Гроув, там открылась вакансия судебного психотерапевта. Увидев объявление, я сразу понял, что у меня нет выбора. Повинуясь интуиции, я отправил резюме в Гроув.

3

Я – Тео Фабер. Мне сорок два года. Судебным психотерапевтом я стал из-за того, что крупно облажался. И это чистая правда, хотя, конечно же, это не то, о чем я говорил на собеседовании.

– Что привело вас в психотерапию? – спросила Индира Шарма, буравя меня взглядом поверх массивных очков.

Индира работала в Гроуве консультирующим психотерапевтом. Хотя ей было сильно за пятьдесят, круглое лицо еще сохраняло привлекательность, а в длинных угольно-черных волосах лишь изредка проблескивало серебро. Индира слегка улыбнулась, давая понять, что этот вопрос не из разряда сложных – лишь формальный разогрев перед настоящей беседой.

Я медлил с ответом, физически ощущая на себе пристальные взгляды остальных членов комиссии. Старательно глядя им в глаза, я протараторил заранее приготовленный ответ: милую сказочку про то, как в юности подрабатывал в доме для престарелых и как это разожгло во мне интерес к психологии. Затем – аспирантура по специальности психотерапия, и пошло-поехало.

– Думаю, я просто хотел помогать людям, – пожимая плечами, заключил я.

Что было откровенной чушью.

Нет, я, конечно, хотел помогать людям. Однако это было второй моей целью, особенно когда я начал посещать практические занятия. Настоящая причина, по которой я ввязался в психотерапию, была сугубо эгоистическая. Я хотел помочь самому себе. Уверен, большинство из тех, кто связал свою жизнь с лечением душевнобольных, пришли в профессию примерно так же. Она притягивает нас потому, что мы сами надломлены. И тогда изучение психологии становится попыткой излечить себя. Осознанной или неосознанной попыткой – это уже другой вопрос.

Самый ранний период развития человечества скрыт во тьме веков. Многие думают, что люди возникли из некоего первородного тумана полноценно сформированными личностями, подобно Афродите, вышедшей во всей красе из пены морской. Однако благодаря активно развивающимся исследованиям деятельности головного мозга мы знаем, что это далеко не так.

Мы рождаемся с наполовину сформированным мозгом, который представляет собой скорее комок глины, а не бога-олимпийца. Как сказал психоаналитик Дональд Уинникотт: «Отдельного понятия “младенец” не существует». Развитие человеческой личности происходит не в изоляции, а только в процессе взаимодействия друг с другом. Нас формируют и заканчивают этот процесс невидимые силы, которые мы не запоминаем, – наши родители. Страшновато, правда? Кто знает, каким унижениям и наказаниям мы подвергались в то время, когда память еще не сформировалась? Наша личность уже была сформирована, а мы даже не знали об этом.

Я рос нервным, легко возбудимым и пугливым ребенком. Повышенная тревожность появилась еще до того, как я осознал себя как личность, и совершенно от меня не зависела. Подозреваю, что источник этой психологической неустойчивости крылся в моих отношениях с отцом, рядом с которым я никогда не был в безопасности.

Случавшиеся у отца непредсказуемые, произвольные припадки сильнейшей ярости превращали любую, даже самую благоприятную ситуацию в минное поле. Самая безобидная фраза или выражение малейшего несогласия могли спровоцировать целый ряд «взрывов» агрессии, спастись от которых было невозможно. Стены дома буквально сотрясались от его крика, пока он гнался за мной на второй этаж. Влетев в свою комнату, я проскальзывал подальше под кровать и изо всех сил прижимался к стене. Вдыхал пыльный воздух и молился, чтобы меня поглотила кирпичная кладка и я мог исчезнуть. В следующее

мгновение отцовская рука крепко хватала меня и выволакивала из-под кровати, возвращая к реальности. Он срывал с себя ремень и замахивался. Ремень со свистом рассекал воздух, а дальше один за другим на меня сыпались жгучие косые удары, обжигая мне тело. Порка заканчивалась так же внезапно, как и начиналась. Отец отшвыривал меня прочь, и я валился на пол мятой кучей, словно тряпичная кукла, брошенная злым ребенком.

Я никогда не был уверен, что такого сделал, чтобы вызвать весь этот гнев, и заслуживал ли я наказания. Однажды я спросил маму, почему папа так часто на меня злится. В ответ она лишь пожала плечами и грустно проговорила: «Откуда я знаю? Твой отец – законченный псих». Говоря так, мама не шутила. Если бы моего отца сейчас обследовал психиатр, то наверняка диагностировал бы у него расстройство личности. Отец страдал от этой болезни всю жизнь, но никто его не лечил. В результате мои детские и юношеские годы прошли в мрачной атмосфере истерии и физического насилия: ругани, слез и битого стекла.

Конечно, были и счастливые моменты. Чаще всего – когда отца не было дома. Помню, как-то зимой он на месяц уехал в командировку в Америку. И на целых тридцать дней дом и сад оказались в нашем с мамой полном распоряжении, без него и его бдительных взглядов. Декабрь в Лондоне выдался снежный, и весь сад скрылся под чистейшим белым покрывалом. Мы с мамой слепили снеговика. Уж не знаю, осознанно или нет, но мы сделали его похожим на отсутствующего главу дома – с огромным животом, двумя черными камешками вместо глаз и парой веточек, напоминавших грозно сдвинутые брови. Я назвал снеговика «Папа», и он действительно здорово смахивал на отца. В довершение иллюзии мы с мамой снабдили снеговика папиными перчатками, шляпой и зонтом. А потом от души бомбардировали его снежками, хихикая, словно расшалившиеся дети.

В ту ночь разыгралась сильная снежная буря. Мама подошла к моей кровати, я притворился, что уже сплю, а потом выскользнул из дома в сад и долго стоял под падающим снегом. Вытянув руки, я ловил падающие снежинки и смотрел, как они медленно тают на кончиках пальцев. Я радовался и грустил одновременно – и, по правде говоря, не мог выразить это словами. Мой словарный запас был слишком мал, чтобы поймать это сетью из слов. Наверное, ловить исчезающие снежинки – это как ловить счастье, когда овладение в итоге ничего тебе не дает. Это напомнило мне, что там, за пределами родительского дома, целый мир: огромный, непередаваемо красивый мир. Мир, который пока для меня недоступен. Снежная ночь в саду вставала перед моим мысленным

взором еще много лет. Как если б невзгоды, которыми та жизнь была окружена, заставляли этот миг свободы гореть еще ярче – будто крохотный огонек посреди беспросветного мрака.

Я пришел к выводу, что единственный шанс выжить – побег. И в физическом, и в духовном смысле. Надо убираться отсюда, чем дальше – тем лучше. Только так я смогу быть в безопасности. И вот мне стукнуло восемнадцать, я получил достаточные отметки и стал студентом. Без сожалений простившись с отчим домом в Суррее, я наивно полагал, что вырвался на свободу.

Как же я ошибался! Тогда я еще не знал этого, но было уже поздно: образ отца прочно засел внутри меня. Я внедрил его в себя, спрятав в области бессознательного. Куда бы я ни бежал, я нес его с собой. В голове звучал адский, неумолимый хор из размноженных голосов отца: «Бестолочь! Позор! Ничтожество!»

Во время экзаменационной сессии на первом курсе голоса стали настолько парализующими и громкими, что уже контролировали меня. Обездвиженный этим страхом, я был не в состоянии выйти на улицу, общаться, заводить знакомства. С тем же успехом я мог бы и не уезжать из дома. Я очутился в ловушке, угодил в патовую ситуацию без какой-либо надежды на спасение. Выхода не было.

Неожиданно подвернулось одно решение.

Я ходил из аптеки в аптеку, скупая парацетамол. Брал всего по несколько упаковок за раз, чтобы не вызвать подозрения. Впрочем, я напрасно тревожился. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Наверное, я стал человеком-невидимкой. К слову сказать, именно так я себя и ощущал в то время.

В моей комнате было холодно. Дрожащими, неловкими пальцами я вскрыл упаковки парацетамола и, прикладывая невероятные усилия, заставил себя проглотить их все. Я добился своего, и постепенно все они, одна за другой, очутились в моем желудке. Затем я улегся в свою узкую неудобную кровать, закрыл глаза и стал ждать смерти... Но она не пришла. Вместо этого нутро мое пронзила жгучая, выворачивающая боль. И тут меня, сложившегося пополам, вывернуло желчью вперемешку с полурастворившимися таблетками. Я лежал в темноте, весь в блевотине, с полыхающим от боли желудком.

Казалось, прошла целая вечность. А потом я кое-что понял: на самом деле я не хотел умирать! Еще нет, ведь я и пожить толком не успел. Эта мысль вселила надежду, призрачную и неопределенную. Это подтолкнуло меня к осознанию, что в одиночку я не справлюсь. Мне нужна была помощь.

И я ее получил. В лице Рут, психотерапевта, к которому меня направила университетская служба консультаций. Рут, седая и пухлая, внешне напоминала милую бабушку. У нее была приятная улыбка, которой хотелось верить. Сначала Рут больше молчала: она слушала, а я говорил. Рассказывал ей про свой дом, про детство, про родителей. В ходе монолога я невольно отметил, что каких бы неприятных деталей ни касался, меня это вообще не задевало. Я был отрезан от эмоций, словно кисть, отрубленная от руки. Я говорил о болезненных воспоминаниях и суицидальных порывах, но при этом ничего не ощущал.

В какой-то момент я посмотрел на Рут и с удивлением заметил, что у нее в глазах стоят слезы. Возможно, то, что я сейчас скажу, трудно понять, но это были не ее слезы, а мои. Тогда я, конечно, не понял этого. Но именно так и работает психотерапия. Пациент перекладывает свои невыносимые переживания на психотерапевта. Врач принимает на свои плечи бремя того, что пациент боится ощущать, и переживает эти моменты вместо него. А потом, буквально по чайной ложечке, психотерапевт начинает возвращать пациенту его же чувства. И Рут потихонечку возвращала их мне.

Наши встречи длились несколько лет. Я и Рут. Она оставалась постоянной величиной в моей жизни. С помощью Рут я усвоил новый тип отношений с другим человеком: основанный на взаимном уважении, честности и доброте, а не на взаимных упреках, злобе и насилии. Медленно, но верно я начал по-другому воспринимать себя. Я уже не чувствовал себя таким опустошенным. Я стал испытывать больше эмоций. И почти перестал бояться. Ненавистный хор все это время жил в моей голове, однако теперь я мог противопоставить ему голос Рут и постепенно стал меньше обращать на это внимания. И тогда жуткие голоса стали затихать, а порой и совсем пропадали. В такие моменты на меня снисходило невероятное умиротворение, почти счастье.

Сеансы психотерапии в прямом смысле спасли мне жизнь. И, что более важно, сделали ее лучше. Лечение с помощью беседы оказало на меня самое глубокое влияние. Фактически сеансы психотерапии определили мой дальнейший путь. Я увидел свое призвание.

По окончании университета я стал обучаться психотерапии в Лондоне, параллельно продолжая ходить к Рут. Она поддержала и ободрила меня, хотя и не преминула предостеречь, чтобы у меня не было заблуждений относительно выбранного пути. «Это не прогулка по парку», – сказала Рут. Действительно, работа с пациентами, копание в их «грязном белье» – такую работу язык не повернется назвать приятной.

Помню свой первый визит в психиатрическую лечебницу для преступников. Не успел я толком начать беседу, как мой пациент спустил штаны, присел прямо напротив меня и опорожнил кишечник. Просто уселся и навалил вонючую кучу. Потом было еще много случаев, не таких тошнотворных, но не менее драматичных – спонтанные и неудачные попытки убить себя или нанести себе травму, неконтролируемая истерия и горе. Возникало ощущение, что это больше, чем я могу вынести. Тем не менее каким-то волшебным образом мои внутренние резервы все не истощались. Постепенно мне стало легче.

Удивительно, как человек может привыкнуть к специфическому миру психиатрической лечебницы. Со временем перестает пугать сумасшествие, причем не только чужое, но и собственное. Уверен, все мы чокнутые, только каждый по-своему.

Вот почему – и как – я на самом деле связан с Алисией Беренсон. Я – один из тех, кому повезло. Благодаря грамотному и достаточно раннему вмешательству психотерапевта я сумел отойти от того края, за которым начинается мрак безумия. Я понимал, что все могло сложиться иначе: я мог сойти с ума и прозябать в закрытом спецучреждении, как Алисия Беренсон. И лишь по божьей милости мы с ней по разные стороны баррикад...

Естественно, я не мог сказать ничего из этого Индире Шарме в ответ на вопрос, почему выбрал профессию психотерапевта. В конце концов, это было собеседование при приеме на работу, и я прекрасно знал правила игры.

– А вообще, – произнес я вслух, – вне зависимости от причины, по которой человек пришел в профессию, настоящим психотерапевтом можно стать лишь благодаря практике.

– Вы совершенно правы, – понимающе закивала Индира. – Верно подмечено.

Собеседование прошло успешно. По словам Индиры, годы работы в Бродмуре дали мне хорошую профессиональную закалку, которая доказывает, что я способен справляться с действительно сложными случаями. По окончании собеседования мне предложили это место, и я согласился.

Месяц спустя я отправился в Гроув.

4

Я прибыл холодным январским утром. Голые деревья вдоль подъездной дороги напоминали скелеты, небо заволочили белые, тяжелые тучи, готовые разразиться снегом. Стоя у пропускного пункта, я достал из кармана сигареты. Я не курил больше недели, твердо пообещав себе, что в этот раз брошу навсегда. Но сейчас почему-то сдался. Зажег сигарету, раздраженный на самого себя. Среди психотерапевтов принято считать, что курение – это пристрастие, с которым должен уметь справляться любой хороший специалист. Чтобы от меня не несло табаком, я забросил в рот пару мятных подушечек и разжевывал их, пока курил.

Я прыгал с ноги на ногу и зябко ежился – больше от волнения, чем от холода. Меня внезапно одолели сомнения. Мой коллега из Бродмура заявил без обиняков, что я совершаю большую ошибку. Намекнул, чтобы я не обольщался насчет головокружительной карьеры в Гроув: об этом заведении в целом и о профессоре Диомидисе в частности ходят неоднозначные слухи.

– Говорят, он не признает никаких канонов. Очень большое значение придает терапии в группе. Одно время даже работал с Фуксом[5 - Зигмунд Фукс (1898–1976) – английский психоаналитик, один из основателей группового анализа. Член Британского психоаналитического общества с 1937 г. Директор Лондонского института группового анализа с 1971 г.]. В восьмидесятые руководил сообществом альтернативных психотерапевтов в Хартфордшире. Денег с таким подходом особо не заработаешь, особенно сейчас. – Тут мой коллега ненадолго замолчал, прикидывая, стоит ли продолжать, потом все же добавил почти шепотом: – Пойми, Тео, я тебя не запугиваю, но есть информация, что в Гроув намечаются серьезные сокращения. Через шесть месяцев тебя могут запросто лишить места. Подумай хорошенько, стоит ли игра свеч?

Я сделал вид, что задумался (исключительно из вежливости), и через пару мгновений ответил:

– Стоит. Я уверен.

– Загубишь ты себе карьеру... Но если ты уже все для себя решил... – произнес мой коллега, сокрушенно качая головой.

Я не стал откровенничать по поводу моей заветной мечты излечить Алисию Беренсон. Конечно, я мог бы сформулировать свой план в понятных коллеге терминах: например, что столь трудный случай обязательно выльется потом в книгу или научный труд. Впрочем, он все равно повторил бы, что я совершаю ошибку. Возможно, коллега прав... Вскоре все выяснится!

Я затушил окурок, заставил себя успокоиться и шагнул на проходную. Гроув располагался в самом старом крыле больницы Эджвер. Изначально это было викторианское здание из красного кирпича. Затем оно стало постепенно обрастать огромными уродливыми пристройками. В глубине этого комплекса и находился Гроув.

Единственным, что указывало на то, какие страшные пациенты содержались в его стенах, были многочисленные камеры, торчавшие на заборе, словно глазеющие хищные птицы. Вестибюль, где располагалась стойка регистратуры, постарались сделать уютным. Там стояли большие синие диваны, на стенах висели неловкие, будто детские, рисунки, выполненные пациентами. Здесь Гроув напоминал скорее детский сад, чем надежно охраняемую психиатрическую больницу для преступников.

Вскоре ко мне подошел высокий человек и с улыбкой протянул руку.

– Здравствуйте! Я – Юрий, старший медбрат. Добро пожаловать в Гроув! К сожалению, в роли встречающей делегации только я, – пошутил он.

Юрий отличался приятной внешностью и крепким телосложением. На вид я дал бы ему около сорока лет. У него были темные волосы, над краем воротничка виднелась часть татуировки – вьющийся вверх по шее этнический узор. От Юрия пахло табаком и приторным лосьоном после бритья. Несмотря на проскальзывающий в речи легкий акцент, английский старшего медбрата был безупречен.

– Я переехал сюда из Латвии семь лет назад, – рассказывал он. – Сначала ни одного слова по-английски не знал. А через год уже говорил и понимал без проблем.

– Ничего себе!

– Английский выучить легко. Попробовали бы вы освоить латышский! – Юрий рассмеялся и, сняв с пояса кольцо со звякающими друг о друга ключами, вручил мне. – Ключи от одиночных палат, а вот коды доступа к отделениям.

– Ого! В Бродмуре все было скромнее.

– Недавно нам пришлось серьезно повысить уровень защиты. С тех пор как сюда перевели Стефани...

– А кто такая Стефани?

Вместо ответа Юрий кивком указал на женщину, появившуюся из двери позади стойки регистрации. В чертах ее лица угадывалось карибское происхождение. Лет сорока пяти, безупречное боб-каре.

– Стефани Кларк, управляющая в Гроуве, – сухо улыбнувшись, представилась женщина.

Ее рукопожатие оказалось крепче и решительнее, чем у Юрия, и гораздо менее радушным.

– Как управляющая я уделяю первостепенное внимание безопасности, – заявила Стефани. – Это касается и пациентов, и персонала. Если вам не обеспечена должная безопасность, значит, она не обеспечена и пациентам. – Она выдала мне небольшое устройство (сигнализацию, на случай нападения). – Всегда держите под рукой: не нужно просто оставлять это в кабинете.

Я с трудом поборол в себе желание произнести «слушаюсь, мэм!». С этой Стефани лучше не ссориться, иначе проблем не избежать. Я всегда придерживался подобной тактики со строгими начальницами: не спорил, не высывался, и все было прекрасно.

– Приятно с вами познакомиться, – с улыбкой произнес я.

Стефани кивнула, но не улыбнулась в ответ:

– Юрий вас проводит.

Затем она развернулась и, больше не взглянув на меня, ушла.

– Пойдемте, – позвал Юрий.

И я последовал за ним к массивной стальной двери, ведущей в само отделение. Тут же рядом с металлодетектором дежурил охранник.

– Думаю, вас учить не надо, – произнес Юрий. – Никаких острых предметов, ничего, что может быть использовано как оружие.

– Зажигалки тоже нельзя, – добавил охранник, выуживая ее у меня из кармана и глядя с осуждением.

– Прошу прощения, совсем забыл! – извинился я.

– Я провожу вас в кабинет. – Юрий жестом пригласил следовать за ним. – Сейчас все на общем собрании, поэтому так тихо.

– Я могу к ним присоединиться? – спросил я.

– Не хотите сначала устроиться в кабинете? – изумился Юрий.

– До кабинета я могу дойти и потом. Вас не затруднит проводить меня на собрание?

– Как скажете. – Юрий пожал плечами. – Тогда нам сюда.

И мы пошли по длинным коридорам, отделенным друг от друга запертыми дверьми. Ритмично закрывались двери, лязгали и уезжали в пазы при открытии мощные штыри, поворачивались в замках ключи. Мы продвигались вперед с

черепашьей скоростью.

Судя по виду коридоров, ремонт здесь не проводили уже несколько лет: краска на стенах облупилась, помещения пропитались слабым затхлым запахом плесени и разложения.

- Мы пришли, - проговорил Юрий, останавливаясь перед одной из закрытых дверей. - Заходите.

- Благодарю.

Пару мгновений я собирался с мыслями, а потом открыл дверь и шагнул внутрь.

5

Собрание проходило в длинной комнате с высокими зарешеченными окнами, выходившими на глухую кирпичную стену. Пахло кофе и неизменным лосьоном Юрия. Примерно тридцать человек сидели по кругу. Почти все держали в руках картонные стаканчики с чаем или кофе и, позевывая, с трудом отгоняли утреннюю дремоту. Те, кто уже допил, возились со своими пустыми стаканчиками - бесцельно вертели их в руках, мяли, плющили или рвали на кусочки.

Собрание проводилось один или два раза каждый день и представляло собой нечто среднее между административным совещанием и сеансом групповой психотерапии. На повестке дня обсуждались насущные вопросы, касающиеся больницы в целом и лечения конкретных пациентов в частности. Это была, говоря словами профессора Диомидиса, попытка вовлечь пациентов в собственное лечение и побудить их нести ответственность за свое состояние. Не стоит и говорить, что этот метод не всегда работал.

Прошлое Диомидиса, связанное с сеансами групповой терапии, означало, что он любил проводить разного рода собрания и особенно поощрял совместную работу. Видимо, Диомидису нравилось выступать перед аудиторией. В этом он напоминал театрального импресарио. Профессор поднялся со своего места и шагнул мне навстречу с распростертыми объятиями.

– Тео! Вот и вы! Добро пожаловать!

Диомидис говорил с едва уловимым греческим акцентом, который почти исчез за те тридцать лет, что он прожил в Англии. Статный, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, в этой энергичной, озорной манере он выглядел моложе и больше напоминал легкомысленного дядюшку, чем психотерапевта. Однако это не означало, что Диомидис не уделял должного внимания пациентам. Напротив, утром он приезжал в Гроув первым, еще до прихода уборщиц, и засиживался допоздна, после того как на дежурство заступала вечерняя смена, а то и ночевал у себя в кабинете на кушетке. Дважды разведенный профессор шутил, что самым удачным оказался третий брак, когда он связал свою жизнь с Гроувом.

– Присаживайтесь! – Глядя на меня, Диомидис махнул рукой на свободный стул рядом со своим. – Сюда-сюда-сюда!

После того как я уселся, он с некоторым пафосом произнес:

– Позвольте представить нашего нового психотерапевта! Его зовут Тео Фабер. Давайте поприветствуем нового члена нашей небольшой, но дружной семьи!

Пока Диомидис говорил, я скользил глазами по сидящим вокруг людям, выискивая Алисию. Увы, ее нигде не было. В отличие от профессора Диомидиса, одетого в безупречный костюм и галстук, остальные предпочли менее формальные рубашки с коротким рукавом или просто футболки. Было сложно сказать, где тут персонал, а где больные.

Вскоре обнаружилась пара знакомых лиц. Например, Кристиан, которого я знал по Бродмуру: темная борода, сломанный нос (парень увлекается регби), красивые, хоть и немного устрашающие черты лица. Он ушел из Бродмура вскоре после моего поступления на работу. Помню, Кристиан мне не особо понравился; впрочем, я толком ничего о нем не знал, потому что мы практически не работали вместе. Далее я заметил Индиру, которая проводила собеседование. Она улыбнулась мне, и я слегка приободрился – это было единственное дружелюбное лицо здесь.

Больные смотрели на меня с откровенным подозрением, что вполне понятно. Каждому пришлось пережить насилие: физическое, моральное или сексуальное.

Пройдет еще много времени, прежде чем они научатся мне доверять. А кто-то так и не сумеет. Среди пациентов оказались только женщины – с грубоватыми морщинистыми лицами, у некоторых виднелись шрамы. У каждой из них была тяжелая жизнь. Страдания от всевозможных ужасов надломали их душевное здоровье, толкнув в чудовищный мир психического заболевания. Их пути отображались на лицах, что невозможно было не заметить.

Но где же Алисия Беренсон? Я еще раз безуспешно пробежался взглядом по лицам. И вдруг осознал, что смотрю прямо на нее: Алисия сидела напротив меня, с противоположной стороны круга! Я не видел женщину, потому что она была невидимой. Без сомнений, ее сильно накачали седативными препаратами. Тяжело развалившись на стуле, Алисия держала в трясущейся руке стаканчик с чаем. Жидкость тонкой струйкой стекала на пол. Я едва удержался, чтобы не подойти и не поправить стаканчик. Она была настолько не здесь, что не заметила бы, если б я это сделал.

Я не ожидал, что Алисия окажется в столь плачевном состоянии. Немногое сейчас напоминало в ней ту красивую женщину, которую я помнил: глубокие синие глаза, идеальные пропорции лица. Сейчас Алисия страшно исхудала, выглядела неухоженной. Роскошная рыжая шевелюра превратилась в грязное слипшееся месиво вокруг плеч. Ногти на руках были сгрызены, местами до мяса. На обоих запястьях белели старые шрамы от порезов – эти отметины Алисия правдиво изобразила в своей «Алкесте». Ее пальцы дрожали не переставая – явный побочный эффект, возникший на фоне приема сильных наркотических препаратов вроде «Рisperидона» или других тяжелых антипсихотических средств. В уголках приоткрытого рта блестела слюна – неконтролируемое слюноотделение, к несчастью, еще один побочный эффект подобного лечения.

Неожиданно я поймал на себе взгляд профессора Диомидиса. Пришлось прекратить рассматривать Алисию и повернуться к нему.

– Расскажите про себя, Тео. Буквально пару слов. Думаю, у вас это получится лучше, чем у меня, – произнес профессор.

– Большое спасибо. – Я кивнул. – Вряд ли смогу что-нибудь добавить к уже сказанному, пожалуй, кроме одного: я очень рад, что работаю здесь. Волнуюсь и немного нервничаю, но полон надежд. И очень хочу познакомиться с каждым из вас поближе, особенно с пациентами. Я...

Внезапно мою речь прервал громкий звук распахнутой двери. В первое мгновение я подумал, что у меня начались галлюцинации. В комнату ворвалась исполинского роста женщина с двумя деревянными копьями, шипастыми на концах. Она подняла копья над головой, а потом швырнула в нас. Одна из больных закрыла лицо руками и закричала.

Я был почти уверен, что шипы проткнут нас насквозь – но они грохнулись на пол прямо посреди нашего круга. И только теперь увидел, что это вовсе не шипы, а бильярдный кий, сломанный пополам. Эта крупная пациентка, темноволосая, по всей видимости турчанка, закричала:

– Как же меня это бесит! Кий сломан уже неделю, а нового так и нет ни хрена!

– Ну что за выражения, Элиф! – одернул великаншу Диомидис. – Я не стану обсуждать эту претензию, пока не решу, стоит ли допускать вас до участия в собрании, учитывая то, с каким опозданием вы сюда явились! – Профессор эффектно потрянул шевелюрой и повернулся ко мне: – А вы что думаете, Тео?

Я не сразу нашелся, что ответить.

– Полагаю, важно уважать друг друга и приходить на собрание ко времени... – начал было я.

– Как ты, что ли? – раздался мужской голос.

Я повернулся в ту сторону и увидел, что ко мне обращается Кристиан. Он засмеялся, довольный собственной шуткой. Я выдавил натужную улыбку, снова посмотрел на Элиф и произнес:

– Он совершенно прав. Я сегодня тоже опоздал. Это станет уроком нам обоим.

– Что за хрень?! – пробасила великанша. – Ты вообще кто?

– Элиф, ну вот опять! – укоряюще произнес профессор. – Вы же не хотите попасть в черный список? Присядьте, пожалуйста.

Однако Элиф продолжала стоять.

– А что по поводу кия?

Вопрос она адресовала профессору Диомидису, но тот перевел взгляд на меня, приглашая ответить.

– Элиф, я вижу, вы очень расстроены из-за сломанного кия, – проговорил я. – Наверняка тот, кто его сломал, был сильно не в духе. Это приводит нас к вопросу: как мы все здесь поступаем, когда сталкиваемся с агрессией? Давайте задержимся на этом и обсудим ситуацию вместе. Садитесь!

Элиф раздраженно закатила глаза, но тем не менее уселась на стул. Индира с довольным видом едва заметно кивнула мне. И мы завели разговор о гневе, стараясь втянуть пациентов в дискуссию, чтобы они рассказали о своих приступах агрессии. По-моему, у нас с Индирой получалось неплохо. Я чувствовал взгляд профессора Диомидиса, оценивающего мое маленькое представление. Он выглядел довольным.

Я случайно бросил взгляд на Алисию и с удивлением обнаружил, что та смотрит на меня (или, по крайней мере, в мою сторону). У нее было такое выражение лица, как будто она изо всех сил пытается сфокусироваться и наконец увидеть что-то сквозь неясный туман. Если бы сейчас мне сказали, что эта траченная оболочка когда-то была той самой блестящей Алисией Беренсон, которую ранее называли ослепительной, яркой и жизнерадостной, я бы просто не поверил. В тот момент я окончательно понял, что переход в Гроув был верным решением. Последние сомнения исчезли. Я вознамерился любой ценой добиться того, чтобы Алисия Беренсон стала моей пациенткой. Времени почти не оставалось: она ушла, ее личность безвозвратно угасла. И я был намерен отыскать ее.

6

Кабинет профессора Диомидиса находился в самом обветшалом крыле здания. По углам коридора висела паутина, работала лишь пара лампочек. Я постучал в дверь кабинета, и после секундной паузы оттуда донеслось: «Войдите!»

Я повернул ручку, отворил скрипнувшую дверь и в следующее мгновение с изумлением потянул носом воздух. Здесь не улавливалось характерных для больницы едких ноток хлорки и лекарств. Как ни странно, в кабинете пахло

почти как в оркестровой яме – деревом, струнами и смычками, мебельной полировкой и воском. Пару секунд глаза привыкали к полумраку, а потом я разглядел у стены небольшое пианино. Станный для психиатрической лечебницы предмет. В тени приютились примерно два десятка нотных пюпитров, на одном из столов громоздилась стопка нот – эта хрупкая на вид конструкция высилась чуть ли не до потолка. На другом лежала скрипка, а возле нее – гобой и флейта. Чуть поодаль располагалась арфа, огромная штука с красивой деревянной рамой и душем из струн. Я застыл на месте в полном замешательстве.

– Вас так удивили музыкальные инструменты? – рассмеялся сидевший за рабочим столом профессор Диомидис.

– Они ваши?

– Да. Музыка – мое увлечение. Хотя нет, вру, моя страсть! – Для пущего эффекта профессор поднял вверх указательный палец.

У Диомидиса была занятная манера говорить: его энергичная речь сопровождалась потрясающе богатой жестикуляцией, он подчеркивал фразы, словно дирижировал невидимым оркестром.

– Я руковожу любительской музыкальной группой. В наш коллектив могут вступать все, кто пожелает: и персонал, и пациенты. Я считаю музыку одним из сильнейших терапевтических средств. – Тут профессор сделал паузу и продекламировал немного нараспев: – «Лишь музыка способна дать покой встревоженной душе...»[6 - Отрывок из пьесы «Невеста в трауре» У. Конгрива (1670–1729), английского драматурга эпохи классицизма.] Вы согласны?

– Конечно.

– Владеете? – спросил Диомидис, прищурясь.

– Простите, чем именно? – непонимающе переспросил я.

– Игрой на каком-нибудь музыкальном инструменте. Хоть треугольником...

– Боюсь, у меня нет способностей. – Я покачал головой. – Единственный имеющий отношение к музыке инструмент, который я освоил еще в школе, – это магнитофон.

– Значит, вы сумеете читать ноты? Вы бы нас просто спасли... Выбирайте любой инструмент. Я научу!

– Увы, у меня не хватит терпения, – улыбнулся я, покачав головой.

– Отказываетесь? Кстати, терпение – главная добродетель хорошего психотерапевта! В юности я никак не мог решить, кем стать: музыкантом, священником или врачом. Теперь я совмещаю все три профессии. – Профессор засмеялся.

– Похоже на то.

– Между прочим, когда вас принимали на работу, мой голос оказался решающим, – проговорил Диомидис, резко сменив тему. – Я очень активно высказался в вашу пользу. Знаете почему? Я что-то увидел в вас, Тео... Вы напомнили молодого меня. Судьба – штука непредсказуемая, вдруг через несколько лет вы займете в Гроуве пост руководителя? – Он выдержал эффектную паузу, а потом добавил: – Если, конечно, больницу к тому времени не закроют.

– Думаете, могут?

– Пациентов слишком мало, персонала слишком много. Мы сейчас работаем в плотном контакте с управляющей компанией: пытаемся понять, можно ли увеличить рентабельность Гроува. За нами постоянно следят, наблюдают, иными словами – шпионят. Вы спросите: как вообще можно заниматься лечением в таких условиях? Выражаясь словами Уинникотта, «нельзя заниматься терапией в горящем здании». – Профессор Диомидис покачал головой – и вдруг стал выглядеть на свой возраст, истощенным и уставшим. – По-моему, Стефани Кларк в сговоре с управляющей компанией, – прошептал он заговорщическим тоном. – В конце концов, они ей платят. Присмотритесь к Стефани повнимательнее и сами все увидите.

В тот момент мне показалось, что в словах профессора проскальзывают параноидальные нотки. Впрочем, его реакция была объяснима. Опасаясь сказать что-то не то, я тактично промолчал.

А потом вдруг сболтнул ни с того ни с сего:

– Я бы хотел спросить у вас об одной пациентке. Ее зовут Алисия.

– Алисия Беренсон? – Диомидис несколько напрягся. – Слушаю.

– Скажите, какие лечебные процедуры с ней проводятся? У нее индивидуальная программа?

– Нет.

– Есть какая-то особая причина?

– Пробовали, потом отменили.

– Почему? Кто работал с Алисией? Индира?

– Нет. – Диомидис отрицательно покачал головой. – Алисией занимался лично я.

– И что случилось?

Профессор пожал плечами.

– Она отказалась приходить ко мне в кабинет, и тогда я попробовал перенести сеансы прямо в палату. Увы, Алисия просто сидела на кровати, молча глядя в окно. Она не произнесла ни слова. Ни разу даже не взглянула на меня! – Диомидис раздраженно взмахнул руками. – В итоге я понял, что впустую трачу время.

– Наверное, вы правы. – Я кивнул. – Я подумал, что, возможно, мой перевод сюда...

- Продолжайте! - Диомидис пристально смотрел на меня.

- Существует вероятность, чисто теоретическая, что Алисия воспринимала вас в качестве представителя местной власти, к тому же наделенного карательной функцией. Не знаю, как складывались ее отношения с отцом, но...

Профессор слушал со снисходительной улыбкой, словно я рассказывал какой-то анекдот и вот-вот должен был настать самый смешной момент.

- Вы считаете, что Алисия могла бы пойти на контакт с человеком более молодого возраста? Дайте-ка угадаю... - Диомидис хитро прищурился. - Ей нужен кто-то вроде вас? Думаете, что сумеете помочь Алисии, Тео? Спасти бедняжку? Добиться, чтобы она заговорила?

- Насчет спасения не уверен, но хотел бы помочь ей. Я хотел бы попытаться.

- Вы не первый. - Ситуация явно забавляла Диомидиса. - Я и сам искренне верил, что смогу излечить ее. Мой мальчик, Алисия - молчаливая сирена, которая заманивает нас к скалам, где наша уверенность в собственном высоком профессионализме разбивается в щепки. Алисия преподавала мне ценный урок, заставив принять поражение. Вероятно, вам тоже стоит вкушать этот горький плод.

- Только в случае поражения! - дерзко ответил я.

Профессор перестал улыбаться, и на его лице появилось загадочное выражение. Он помолчал немного, а потом решительно произнес:

- Вот и посмотрим. Для начала вам нужно познакомиться с Алисией. Вас ей еще не представляли?

- Пока нет.

- Обратитесь к Юрию, он организует встречу. И обязательно доложите потом о результатах.

– Хорошо. Так и сделаю, – сказал я, стараясь не выдать охватившего меня радостного волнения.

7

Сеансы терапии проводились в маленькой комнате, узеньком прямоугольнике, как тюремная камера или жилище бедняка. Окно было закрыто и зарешечено. Единственным притягивающим взгляд пятном была яркая розовая коробочка с салфетками, стоящая на столе. Скорее всего, ее туда поместила Индира. Не могу представить Кристиана, протягивающего пациенту салфетку.

Я уселся на одно из двух обшарпанных кресел с выцветшей обивкой. Время шло. Алисия не появлялась. Может, она и не собирается приходить? Не желает меня видеть? Имеет на это право.

Пребывая в нетерпении и тревоге и даже нервничая, я вскочил с кресла и уставился в зарешеченное окно. Тремя этажами ниже виднелся двор размером с теннисный корт, обнесенный по периметру высокой стеной из красного кирпича. Слишком высокой, чтобы на нее можно было забраться, хотя, уверен, попытки побегов все же случались. Каждый день после обеда пациенты полчаса толпились в тесном дворе – на свежем воздухе. Причем желания самих пациентов не учитывались. И в такую морозную погоду я понимал, почему многие отказывались. Одни стояли поодиночке, что-то бормоча себе под нос; другие, словно зомби, бесцельно бродили туда-сюда, никуда толком не направляясь; третьи собирались в группки, дискутировали, общались, курили. До меня доносились голоса, выкрики и экзальтированный смех пациентов.

Алисию я разглядел не сразу. Она стояла в одиночестве у дальней стены – застыла без движения, будто статуя. Я заметил, что к ней направляется Юрий. Он обратился к дежурившей неподалеку медсестре. Та кивнула, и Юрий пошел к Алисии, медленно, осторожно, словно приближался к дикому животному.

Я попросил его позвать Алисию ко мне, просто сообщив, что ее хочет видеть новый психотерапевт. И особенно подчеркнул, что приглашение должно звучать как просьба, а не как приказ. Юрий говорил, Алисия безучастно стояла. Ни единым жестом она не дала понять, что восприняла или хотя бы услышала его слова. Юрий некоторое время постоял возле Алисии, затем развернулся и пошел обратно.

«Вот и всё! Она не придет, – подумал я тогда. – На что я, черт возьми, надеялся?! Перевод сюда был тратой времени». И тут, к моему изумлению, Алисия сделала шаг в сторону Юрия. Пошатываясь и слегка подволакивая ноги, она последовала за ним через весь двор, и вскоре обе фигуры скрылись в стенах лечебницы.

Итак, Алисия придет! Я постарался взять себя в руки и расслабиться. Усилием воли приглушил хор из голосов моего отца, кричавший, что я не подхожу для этой работы, что я ничтожество и жалкий обманщик. «Заткнитесь! – мысленно приказал я. – Заткнитесь, кому говорю!»

Через пару минут раздался негромкий стук в дверь.

– Войдите! – отозвался я.

Дверь отворилась. В коридоре стояли Алисия и Юрий. Я попытался заглянуть ей в глаза, но Алисия смотрела себе под ноги.

– Пришла, – гордо сообщил Юрий.

– Да, вижу. Благодарю вас, – ответил я. – Здравствуйте, Алисия!

Она никак не среагировала.

– Зайдете? – спросил я.

Юрий склонился к Алисии, будто собираясь подтолкнуть ее, однако вместо этого лишь тихо проговорил:

– Не бойся, милая. Заходи и садись.

Пару секунд Алисия колебалась, а потом, взглянув на Юрия, медленно и неуверенно вошла в комнату. Тихо, как кот, опустила в кресло и положила дрожащие руки на колени.

Я протянул руку, чтобы закрыть дверь, однако Юрий не тронулся с места.

- Дальше я справлюсь сам, - едва слышно сказал ему я.

- Но я не имею права... И потом, профессор сказал... - встревоженно начал Юрий.

- Под мою полную ответственность. Поверьте, все в порядке. - Я незаметно показал ему брелок с кнопкой сигнализации на случай атаки. - Брелок со мной, впрочем, защита не понадобится.

Я взглянул на пациентку. Едва ли она вообще меня слышала.

- Если что, я за дверью, - произнес он, явно не разделяя моего энтузиазма.

- Это лишнее, но все равно спасибо.

Наконец Юрий удалился. Я закрыл дверь, выложил брелок на стол и сел в кресло напротив Алисии. Она по-прежнему глядела вниз. Я смотрел на ее пустое, застывшее лицо и сгорал от желания узнать, что же скрывается под маской дурмана от лекарств.

- Спасибо, что согласились прийти на встречу, - произнес я вслух.

Не рассчитывая услышать ответ, тем не менее сделал паузу. Через несколько мгновений продолжил:

- Так получилось, что я о вас знаю больше, чем вы обо мне. Я много о вас слышан. Как о художнице, разумеется. Я поклонник вашего творчества.

Никакой реакции.

- Я попросил у профессора Диомидиса разрешения увидеться с вами, и он позволил организовать эту встречу, - сказал я. - Спасибо, что пришли.

Я помолчал в ожидании какого-либо знака со стороны Алисии - может, она прищурится, кивнет или нахмурит брови... Ничего. Я попытался представить, о чем она сейчас думает. Возможно, Алисию так накачали препаратами, что она вообще не в состоянии думать. Вспомнилась Рут. Интересно, что бы она предприняла на моем месте? Рут говорила, что в личности каждого человека

кроются два начала: хорошее и плохое. Здоровый рассудок способен выдерживать эту двойственность и жонглировать хорошим и плохим одновременно. Суть психической болезни в нарушении этого баланса – мы теряем контакт с нежелательными (плохими) частями своего «я».

Для того чтобы вылечить Алисию, надо отыскать те фрагменты себя, которые она заперла где-то глубоко внутри, за границей своего сознания. А затем точно связать элементы ландшафта ее психического «я». И только потом станет ясен контекст ужасающих событий той роковой ночи, когда Алисия убила мужа. Процесс реабилитации будет медленным и трудоемким.

Начиная работу с новым пациентом, я обычно не тороплюсь, ничто не ограничивает меня в выборе терапевтических методик. Как правило, все начинается с бесед – так проходит много месяцев. В идеальной ситуации пациент рассказывает о себе, о своей жизни, о детстве. А я слушаю, постепенно собирая из кусочков целое, – достаточно долго, чтобы разобраться и даже сделать кое-какие полезные заметки. Однако в случае с Алисией беседы не будет. Слушать нечего. И нужную мне информацию придется добывать по крупицам из невербальных источников, включая контрперенос[7 - Перенос – это перенесение пациентом на психоаналитика тех чувств, которые пациент прежде испытывал к неким важным для себя людям и в которых, что важнее, сам себе не признавался. В свою очередь, контрперенос – это бессознательный эмоциональный ответ, реакция аналитика на пациента.] – чувства, которые Алисия вызовет во мне во время наших сеансов, – и любые зацепки, почерпнутые мною из других источников.

Иными словами, я собирался лечить Алисию, не имея в голове четкого плана действий. Я должен преуспеть, не только для того, чтобы доказать что-то профессору Диомидису, но – и это более важно – чтобы исполнить свой врачебный долг перед Алисией и помочь ей.

Я сидел в кресле и смотрел на нее, пребывающую в наркотическом дурмане, со слюной, скопившейся вокруг губ, и руками, мелко вздрагивающими, как крылья мотыльков. Внезапно мое сердце сжалось от пронзительной тоски. Мне стало очень жаль Алисию и подобных ей. Я жалел всех нас – израненных и потерянных.

Разумеется, я не стал произносить свои мысли вслух. Вместо этого сделал то, что сделала бы Рут, – мы с Алисией просто сидели в тишине.

Я разложил на столе папку с историей болезни Алисии.

– Обязательно изучите мои записи, – проговорил Диомидис, отдавая документы. – Они помогут вам.

Я не испытывал ни малейшего желания разгребать заметки профессора: точка зрения Диомидиса была и так понятна. Я же хотел составить собственное мнение. И тем не менее спорить не стал.

– Спасибо за ценную помощь, – вежливо поблагодарил я, принимая папку.

Мой маленький кабинет был обставлен лишь самым необходимым и находился в дальнем конце здания, возле пожарного выхода. Я выглянул в окно: маленький дрозд клевал клочок смерзшейся травы – уныло и без особой надежды. Я зябко поежился. Как же холодно в кабинете! Небольшая печка под окном была сломана. Юрий обещал ее починить, однако правильнее будет обратиться с этим к Стефани, а если она не сможет наладить процесс, обсудить этот вопрос на собрании. С сочувствием вспомнил об Элиф и ее упорной борьбе за замену сломанного кия.

Я просматривал папку профессора без особенных ожиданий. Почти все необходимые сведения имелись в электронной базе данных. Тем не менее Диомидис, как и большинство сотрудников старшего возраста, предпочитал делать записи от руки и, игнорируя указания Стефани работать в электронной базе, делал все по-своему. Папка постепенно пополнялась листами с загнутыми уголками – и теперь лежала передо мной. Я перелистывал потрепанную историю болезни. Записи профессора с его старомодными интерпретациями сеансов не вызывали интереса. Я решил остановиться на ежедневных отчетах медсестер, из которых мог бы понять, как менялось поведение Алисии изо дня в день. Отчеты я изучил самым тщательным образом, выделяя факты, детали и упоминания конкретных лиц. Я хотел точно знать, во что ввязываюсь, с чем мне придется работать и какие меня могут ждать сюрпризы.

К сожалению, особо ценных сведений почерпнуть из папки не удалось. Я выяснил, что по прибытии в Гроув Алисия дважды пыталась резать себе вены на

запястьях и травмировала себя всем, что попадалось под руку. Первые шесть месяцев для круглосуточного дежурства к ней были приставлены две медсестры; потом надзор ослабили, оставив только одну. Алисия не пыталась контактировать с другими пациентами или с персоналом. Она вела себя очень замкнуто и отстраненно. Постепенно больные оставили Алисию в покое. Ведь если человек молчит, даже когда вы обращаетесь к нему, и никогда не заговорит первым, в итоге окружающие просто забывают о его существовании. Алисия быстро превратилась в часть обстановки, ее перестали замечать.

Из этого ряда событий выбивался единственный инцидент. Он произошел в столовой, через несколько недель после появления Алисии в лечебнице. Элиф заявила, что Алисия села на ее место. Из отчетов не очень ясно, что именно случилось, но конфликт разгорелся быстро. Алисия пришла в неистовство и, разбив тарелку, попыталась острым краем перерезать горло Элиф. Ее быстро скрутили, вкололи большую дозу седативных препаратов и перевели на изолированное содержание.

Я и сам не понимал, чем меня зацепил случай в столовой, но чувствовал в нем что-то странное. Я решил расспросить Элиф, что же произошло в тот день. Вырвал из блокнота листок и взял ручку. Старая привычка, еще со времен университета, – ведение записей на бумаге помогает мне привести разум в порядок. Мне всегда было сложно сформулировать свою точку зрения, пока я не выражал ее в письменном виде.

И я начал набрасывать идеи, цели, заметки – создавать план действий. Приступая к лечению Алисии, сначала нужно было понять, что она за человек и как относилась к Габриэлю. Любила ли его? Или ненавидела? Что подтолкнуло Алисию к убийству мужа? Почему она отказывалась говорить – и об убийстве, и о чем-либо еще? Ответов я не находил, пока нет; появлялись лишь новые вопросы.

Я написал посередине строки имя Алкеста и подчеркнул, смутно чувствуя, что автопортрет сыграл во всей истории важную роль. Стоит понять почему – и многое прояснится. Здесь крылся ключ к разгадке тайны. Картина являлась посланием души Алисии, ее свидетельством в суде. Оно что-то значило, и мне еще лишь предстояло расшифровать его. Я сделал в блокноте пометку посетить галерею еще раз. Также записал: «Детство». Для того чтобы понять мотивы убийства, я должен разобрать не только события той ночи, но и то, что происходило с Алисией много лет назад. Возможно, зерна того, что случилось в те минуты, когда она стреляла в мужа, были посеяны глубоко в прошлом.

Убийственная ярость, гнев, доводящий до преступления, – не сиюминутные явления. Все это появляется еще до памяти, в далеком мире детства, где насилие и жестокое отношение, которые взрослые вправе причинять маленькому ребенку годами, копятся, пока не происходит взрыв, зачастую направленный не на ту цель.

Я собирался выяснить, какой облик придало ей детство. И если Алисия не может или не желает рассказать мне об этом, я найду того, кто это сделает. Кого-то, кто знал Алисию до убийства, кто поможет понять: ее историю, какой она была раньше и что спровоцировало ее и привело к надлому.

В графе «ближайшие родственники» значилась некая Лидия Роуз, приходившаяся Алисии тетей. Лидия вырастила ее, заменив мать, погибшую в автокатастрофе. Алисия также была в той машине, но сумела выжить. Безусловно, авария сильно повлияла на психику маленькой девочки. Оставалось надеяться, что Лидия сможет мне что-нибудь рассказать об этом.

Вторым – и последним – контактным лицом был адвокат Алисии, Макс Беренсон. Макс приходился Габриэлю братом, а значит, мог наблюдать семейные отношения супругов на более «личном» уровне. Неизвестно, захочет ли Беренсон откровенничать со мной, но это уже отдельный вопрос.

Несанкционированные контакты психотерапевта с семьей пациентки – это, мягко говоря, весьма нетрадиционный подход. Я подозревал, что Диомидис не одобрит мою инициативу, и поэтому решил действовать самостоятельно, на свой страх и риск. Оглядываясь назад, я понимаю, что это был мой первый ошибочный шаг в работе с Алисией, послуживший началом цепи прискорбных событий. Там мне следовало бы остановиться; впрочем, даже тогда поворачивать назад было уже поздно. Я не знал, что уже обречен, – как в греческой трагедии[8 - Речь идет о герое «Алкесты», Адмете.].

Я позвонил Максиму Беренсону в офис по указанному в папке телефону. Ответили не сразу.

– «Эллиот, Барроу и Беренсон», – раздался в трубке охрипший голос сильно простуженной секретарши.

– Будьте любезны мистера Беренсона, – попросил я.

– Как вас представить?

– Меня зовут Тео Фабер. Я психотерапевт в лечебнице Гроув. Я хотел бы побеседовать с мистером Беренсоном. Буквально пару слов, насчет его невестки.

После незначительной паузы девушка ответила:

– Я вас поняла. Дело в том, что мистера Беренсона не будет до конца недели. Один из клиентов вызвал его в Эдинбург. Можете оставить свой номер, и я передам мистеру Беренсону, чтобы он связался с вами, когда вернется.

Я продиктовал девушке свой телефон и, дав отбой, набрал номер Лидии Роуз, тети Алисии. На сей раз трубку взяли мгновенно.

– Слушаю! В чем дело? – раздался недовольный старческий голос. Пожилая дама тяжело дышала.

– Это миссис Роуз?

– Вы кто?

– Я звоню по поводу вашей племянницы, Алисии Беренсон. Я психотерапевт из...

– Пошел к черту! – отрезала миссис Роуз и бросила трубку.

Я хмуро уставился на телефон. Начало не задалось.

9

Страшно хотелось курить. Выйдя с работы, я стал лихорадочно рыться в карманах куртки в поисках сигарет, но их там не оказалось.

– Что-то потеряли?

Я чуть не вздрогнул от неожиданности: позади почти вплотную ко мне стоял Юрий. Я и не слышал, как он подошел, и был поражен обнаружить его так близко.

– Вот, держите! – Медбрат с улыбкой протянул мне пачку сигарет. – Нашел на сестринском посту. Наверное, выпали у вас из кармана.

– Спасибо.

Я закурил одну и протянул ему пачку.

– А я не курю. По крайней мере, не сигареты... – Юрий засмеялся. – По-моему, вам не помешало бы выпить. Пойдемте, угощу вас пивом!

Я медлил. Инстинкт подсказывал отказаться от приглашения. Не люблю сближаться с коллегами по работе. К тому же у нас с Юрием мало общего. Впрочем, он наверняка знает Алисию лучше всех в лечебнице и сможет рассказать о ней что-нибудь любопытное.

– Почему бы и нет, – наконец отозвался я.

И мы отправились в ближайший паб под названием «Жертвенный агнец». Внутри оказалось темно и грязно. И само заведение, и его посетители, клюющие носом над полупустыми бокалами с пивом, явно видали лучшие времена. Юрий взял нам по пинте[9 - Пинта – традиционная английская мера объема, равная 0,57 л.], и мы уселись за столик в дальнем конце зала.

Медбрат сделал большой глоток и вытер ладонью рот.

– Ну, рассказывайте про Алисию! – попросил он.

– Про Алисию?

– Как она вам?

– К сожалению, пока никак.

– Алисия не спешит раскрываться, – заметил Юрий, глядя на меня с загадочной улыбкой. – Прячется, как улитка в раковине.

– Вижу, она вам небезразлична.

– Да, у меня к ней особенное отношение. Никто не знает ее лучше, чем я. Даже профессор Диомидис.

В голосе Юрия зазвучали тщеславные нотки. Почему-то мне это не понравилось. Действительно ли он знал Алисию настолько хорошо или просто решил похвастаться?

– Как по-вашему, почему она молчит? Что это означает? – спросил я у Юрия.

– Думаю, для Алисии еще не настало время общаться. – Он пожал плечами. – Когда будет готова, заговорит.

– Готова к чему? – удивился я.

– Готова к правде, друг мой.

– И к какой же правде?

Юрий внимательно посмотрел на меня, слегка наклонив голову набок.

– Тео, вы женаты? – неожиданно спросил он.

– Да. – Я кивнул.

– Я так и подумал. Я тоже был женат. Мы вместе переехали сюда из Латвии. Однако супруга не сумела приспособиться к местной жизни. Она и не старалась, не хотела учить язык. В любом случае этот брак... Я не был с ней счастлив, но не желал признаваться в этом самому себе, пытался убежать от правды... – Юрий допил пиво и закончил: – А потом влюбился.

– Если я правильно понимаю, в другую женщину?

– Конечно! – Юрий засмеялся. – Она жила неподалеку. Настоящая красавица. Это была любовь с первого взгляда... Я увидел ее на улице и все никак не решался подойти и заговорить. Часто шел следом, смотрел на нее исподтишка, стоял возле ее дома и вглядывался, надеясь увидеть в окне знакомый силуэт...

Мне стало неловко слушать эту исповедь. Я допил пиво и взглянул на часы, думая, что Юрий поймет намек. Но он не заметил моих знаков и продолжал рассказ:

– Однажды я решился заговорить с ней. И оказалось, что мое чувство не взаимно. Я пытался несколько раз, и все напрасно. В конце концов она попросила, чтобы я прекратил преследовать ее.

Я начинал понимать несчастную женщину и уже собирался вежливо попрощаться и уйти, однако Юрий не умолкал.

– Отказ я принял нелегко. Ведь я искренне верил, что мы созданы друг для друга. Она разбила мне сердце. И тут я разозлился на нее. Прямо взбесился.

– И что произошло? – не удержался я.

– Ничего.

– Ничего? То есть вы остались с женой?

– Нет. – Юрий отрицательно покачал головой. – Наш брак окончательно распался. Но лишь влюбившись в другую женщину, я на самом деле увидел правду о себе и своей жене. Иногда человек долго прячет голову в песок – тут нужно время и мужество.

– Вот оно что... Вы считаете, что Алисия не готова признать правду о своем браке? Возможно, так и есть, – задумчиво произнес я.

– А невеста у меня все-таки появилась, – улыбнулся Юрий. – Она из Венгрии. Работает в спа-салоне, прекрасно владеет английским. Мы отлично подходим друг другу, и нам вместе не скучно.

Я кивнул и, снова бросив взгляд на часы, решительно взял пальто.

– Ну мне пора. Супруга уже наверняка заждалась.

– Без проблем. Кстати, как зовут вашу жену?

По какой-то неизвестной причине я не хотел говорить ему ее имя. Не хотел, чтобы Юрий знал о ней что-либо.

– Кэтрин, – нехотя сказал я, понимая, что веду себя глупо. – Я зову ее Кэти.

– Вот что я скажу вам, Тео. Идите к жене. Идите к Кэти. Она любит вас. И выбросьте Алисию из головы. – Юрий загадочно улыбнулся.

10

Мы с Кэти встречались в кафе Национального театра на южном берегу Темзы. Труппа театра часто собиралась там после репетиций. Кэти сидела в глубине зала с парой коллег-актрис и что-то рассказывала, а те внимательно слушали. Они глядели на меня, когда я приблизился к их столику.

– У тебя, наверное, уши горят, да? – засмеялась Кэти, целуя меня.

– Должны гореть?

– Я рассказывала девочкам о тебе.

– Серьезно? Мне уйти?

– Ты все шутишь! Садись, ты как раз вовремя. Я только что добралась до момента, когда мы познакомились.

Я уселся, и Кэти продолжила свой рассказ. Она обожала эту историю. Время от времени поглядывала на меня, улыбаясь и как бы вовлекая в процесс, однако это было чистой формальностью. Это была ее история, не моя.

– Сижу я за барной стойкой, и, о чудо, появляется ОН! Я уже окончательно поставила на личной жизни крест и вдруг вижу: в бар заходит мужчина моей мечты! Лучше поздно, чем никогда! Вы же помните, я думала, что к двадцати пяти выйду замуж, а к тридцати обзаведусь двумя детьми, маленькой собакой и огромным ипотечным кредитом. И вот мне тридцать три, и весь мой план полетел к черту! – с озорной улыбкой протараторила Кэти и хитро подмигнула подругам. – Я тогда встречалась с австралийцем по имени Дэниел. Но свадьба и дети в его план не вписывались, и я понимала, что только теряю время. Мы с Дэниелом решили сходить вечером в бар, и тут на сцене появляется Мистер Мечта... – Кэти повернулась ко мне и договорила: – с девушкой!!!

Дальше следовало вести рассказ очень деликатно, чтобы не потерять симпатию аудитории. Дело в том, что на момент нашей судьбоносной встречи мы с Кэти были несвободны. Двойная неверность – не самое красивое начало отношений. Фактически нас представили друг другу экс-партнеры. Они знали друг друга. Сейчас я уже не припомню деталей: кажется, Марианна пару раз встречалась с соседом Дэниела по квартире. Я не запомнил, как нас представляли, зато момент, когда я впервые увидел Кэти, прочно врезался в мою память. Меня словно током ударило: длинные темные волосы, пронзительный взгляд зеленых глаз, и эти губы... Фантастически красивая, утонченная девушка. Ангел!

Кэти выдержала паузу и с улыбкой взяла меня за руку.

– Помнишь, Тео, как мы заговорили друг с другом? Ты сказал, что учишься на психиатра. А я ответила, что мне как раз нужно вправить мозги, а значит, мы просто созданы друг для друга.

Подруги отреагировали громким хохотом. Кэти тоже засмеялась.

– Дорогой, ведь это была любовь с первого взгляда, правда? – спросила она, с искренним чувством глядя мне в глаза.

Настал мой выход на сцену.

– Ну конечно, милая. Настоящая любовь, – произнес я и поцеловал Кэти в щечку.

Подруги смотрели на нас с умилением. Причем я не играл на публику. Кэти очень верно выразилась. Я действительно пал жертвой любви с первого взгляда.

Жертвой страсти – уж точно. В тот вечер я пришел с Марианной, но не мог отвести глаз от Кэти, исподтишка посматривая на зеленоглазую красавицу. Они с Дэниелом о чем-то горячо спорили. И вдруг я прочел по губам Кэти: «Да пошел ты!» – и понял, что они ссорятся. Дело пахло керосином. Дэниел поднялся из-за стола и вышел из бара.

– Ты сегодня и рта не раскрыл, – заметила Марианна. – Что-то случилось?

– Нет. Всё в порядке.

– Пойдем домой. Я устала.

– погоди, – возразил я, едва слушая. – Лучше выпьем еще.

– Но я хочу домой.

– Если хочешь, иди.

Марианна кинула на меня обиженный взгляд, схватила куртку и удалилась. Я знал, что потом неизбежно разразится скандал, но в тот момент мне было все равно. Я пересел поближе к Кэти.

– Дэниел вернется? – спросил я.

– Нет, – Кэти покачала головой. – А Марианна?

– Тоже нет. Выпьем еще по одной?

– Да, спасибо.

Мы застряли у барной стойки. Помню, я рассказывал про свои занятия по психотерапии, а Кэти говорила про учебу в театральном училище. Учеба оказалась недолгой: в конце первого же курса Кэти заметил агент и предложил работу. С тех пор она выступала на сцене. И я поймал себя на мысли, что Кэти, должно быть, очень талантливая актриса.

– Учеба не для меня, – призналась она. – Я рвалась в бой!

– В смысле, на сцену?

– Нет. В настоящую жизнь! – Кэти склонила голову набок и лукаво поглядела на меня своими изумрудными глазами. – Как у тебя хватает терпения учиться, Тео?

– Может, я просто не хочу начинать «жить». Может, я трус.

– Трус ушел бы домой вслед за подружкой, – с озорным смехом заключила Кэти.

Мне дико хотелось сгрести ее в охапку и поцеловать. Я никогда раньше не испытывал такого сильного, переполняющего физического желания. Я мог думать только об одном: как притяну Кэти к себе, прижмусь к губам, почувствую жар ее тела...

– Прости, – спохватилась Кэти. – Сорвалось с языка. Вечно болтаю первое, что придет в голову. Я предупреждала, что немного «ку-ку».

Кэти еще не раз повторяла про себя, что она «того», «не в себе», «чокнутая», но я ей не верил. Она смеялась слишком свободно и часто и никак не могла пострадать от той жуткой черноты, которую когда-то пережил я. В Кэти чувствовалась непосредственность, легкость – она любила жизнь и искренне радовалась каждому дню. Что бы ни говорила Кэти, я твердо знал: она – самый душевно здоровый человек из всех моих знакомых. Более того, рядом с Кэти и я чувствовал себя адекватнее.

Кэти была американка. Она родилась и выросла в Верхнем Вест-Сайде[10 - Верхний Вест-Сайд – элитный жилой район Нью-Йорка, расположенный в непосредственной близости от Центрального парка.] на Манхэттене. Ее мать, англичанка, оформила дочери двойное гражданство. Однако Кэти совсем не походила на жительниц Англии. И дело даже не в том, как она говорила, а в мировосприятии, в ее системе ценностей и установок. Кипящая энергия, оптимизм, уверенность в себе – я видел такого человека впервые.

Мы вышли из бара, я поймал такси и назвал водителю адрес своей квартиры. Недолгая поездка прошла в тишине. Когда мы очутились у двери квартиры, Кэти

нежно прижала свои губы к моим. Я не мог больше сдерживаться и рывком притянул ее к себе. Не переставая целоваться с Кэти, кое-как открыл ключом дверь. Едва мы зашли в прихожую, как тут же начали срывать друг с друга одежду, спотыкаясь, добрались до спальни и рухнули на кровать.

Та ночь стала самой чувственной, самой невероятной в моей жизни. Я изучал тело Кэти часами. Мы занимались любовью всю ночь, до рассвета. Помню везде белый цвет: яркие лучи раннего солнца, прорывающиеся сквозь щели в шторах, белые стены, белые простыни, белки глаз Кэти, ее кожа, улыбка. Я и не подозревал, что кожа может быть такой белой, почти прозрачной, с нежным оттенком слоновой кости и голубоватыми линиями вен, заметными прямо под тонкой кожей, струящимися, словно цветные вкрапления в мраморе. Как будто статуя великолепной греческой богини ожила у меня в руках.

Мы лежали, обнявшись. Ее глаза были так близко, что все расплывалось. Я смотрел в зеленое море.

- Ну, и?.. - подала голос она. - Что насчет Марианны?

- Марианны?

На губах Кэти мелькнула улыбка.

- Твоей девушки, Марианны...

- Да. - Я помолчал, полный сомнений. - Я не знаю, что теперь с ней делать... А как же Дэниел?

- Забудь про него! Лично я - уже, - заявила Кэти.

- Ты серьезно?

Вместо ответа я получил поцелуй. Перед тем как уйти, Кэти зашла в душ. А я в это время позвонил Марианне. Я хотел встретиться с ней, чтобы сообщить о разрыве лично. Однако Марианна настаивала, чтобы я сказал все немедленно, по телефону. Она не подозревала, что я собираюсь закончить наши отношения. Однако именно это я и сделал, в самых деликатных выражениях. Марианна

стала плакать. Мои слова разозлили и обидели ее. В итоге мне пришлось повесить трубку. Грубо и невежливо, да. Я не горжусь тем разговором. Но тогда только такой поступок и казался порядочным. Я до сих пор не знаю, что мог сделать иначе.

* * *

На нашем первом официальном свидании мы с Кэти отправились в Ботанический сад. Место предложила она, узнав, что я ни разу там не был.

- Ты шутишь? И в оранжереи не заходил? - вытаращив глаза, переспросила Кэти. - Вон в той, самой большой, выращивают разные тропические орхидеи. Там жутко жарко, как в печке. Когда я занималась в училище, частенько туда прибегала, просто чтобы погреться... Давай встретимся там, когда ты освободишься? - Она вдруг нерешительно замолчала. - Или тебе слишком далеко туда добираться?

- Ради тебя, дорогая, хоть на край света! - с улыбкой заявил я.

- Дурачок, - шепнула Кэти и поцеловала меня.

Вечером, когда я добрался до входа в Ботанический сад, она уже стояла там в своем огромном пальто и шарфе. Завидев меня, замахала рукой, как перевозбужденный ребенок.

- Давай скорее! Сюда! - торопила Кэти.

Мы пошли по застывшей грязи к большому стеклянному сооружению, в котором выращивались тропические растения. Кэти решительно толкнула дверь и потащила меня внутрь. В оранжерее царила настоящая тропическая жара и высокая влажность. Я поскорее сдернул шарф и избавился от пальто.

- Я же говорила, тут как в сауне! Здорово, правда? - радовалась она.

С пальто в руках мы бродили по дорожкам, держась за руки, и любовались экзотическими цветами. Я с изумлением осознал, что счастлив просто находиться рядом с Кэти. словно она открыла тайную дверь и привела меня в

волшебный мир тепла, света и ярких красок, где сотни цветущих орхидей – как синие, красные и желтые конфетти.

Я медленно плавился от жары; тело становилось мягким, немного ватным. Я чувствовал себя черепахой, высунувшей из панциря голову после долгой зимней спячки, моргая и пробуждаясь. Это чудо сотворила Кэти – она стала моим приглашением к жизни, и я хватился за него обеими руками.

Помню, как тогда осознал, что влюбился. Я ни секунды не сомневался, что это любовь. Такого чувства я не испытывал ни разу в жизни. Предыдущие мои романы протекали быстро и неудовлетворительно для обеих сторон. Девственности я лишился в университете. Накачавшись для храбрости алкоголем, переспал со студенткой с факультета социологии – канадкой по имени Мередит. Она носила на зубах брекеты, и во время поцелуев металлические конструкции больно впивались в мои губы. Затем последовало несколько ничем не примечательных романов. Казалось, я никак не мог встретить ту самую девушку, которую страстно желал повстречать. Я считал себя слишком дефективным, не способным на серьезные чувства.

Зато теперь каждый раз, когда до моих ушей доносился заразительный смех Кэти, меня пронизывало радостное возбуждение. Я, как губка, впитывал брызжащий из нее оптимизм, раскованность и веселье. Я соглашался на любые причуды Кэти. Я не узнавал себя, но мне нравился новый бесстрашный Тео, которого она пробудила к жизни. Мы не вылезали из кровати. Я сгорал от постоянного, жгучего желания. Я не мог насытиться близостью с Кэти. И постоянно хотелось касаться ее – я как будто не мог оказаться достаточно близко к ней.

В том же декабре Кэти переехала в мою однокомнатную квартиру в районе Кентиш-таун[11 - Кентиш-таун – недорогой, но весьма приличный район на северо-западе Лондона.]. Мое скромное обиталище находилось на цокольном этаже – здесь постоянно чувствовалась сырость, полы были закрыты коврами; окна имелись, но ни о каких приятных видах и речи не было. Наше первое совместное Рождество мы жаждали провести как полагается: на праздничном базаре возле метро купили елку, навесили на нее кучу украшений и специально приобретенную электрическую гирлянду. Я помню, как сейчас, запах еловой хвои, дерева и горящих свечей, и Кэти, смотревшая на меня своими изумрудно-зелеными глазами, в которых отражался блеск пламени свечей и мерцание гирлянды.

– Выходи за меня, – выпалил я не задумываясь. Слова сами собой слетели с языка.

– Чего? – изумилась Кэти.

– Я тебя люблю. Выходи за меня, – повторил я.

Кэти засмеялась и, к моей величайшей радости, тут же ответила:

– Я согласна!

На следующий же день мы пошли в ювелирный магазин, и она выбрала кольцо. И тут я наконец осознал: отныне мы жених и невеста. Как ни странно, первыми, о ком я подумал, были родители. Я хотел представить им Кэти. Пусть увидят, что их сын счастлив. Я мечтал показать, что мне удалось вырваться из-под их контроля и стать свободным! Мы сели на поезд в Суррей. Теперь я понимаю, что сглупил. Это была дурацкая затея, обреченная на провал.

Отец приветствовал меня все с той же враждебностью.

– Ну и вид, Тео... Кожа да кости! Что за стрижка? Почему так коротко? Ты похож на преступника.

– Спасибо, пап. Я тоже рад тебя видеть, – ответил я.

Мама выглядела еще более подавленной, чем обычно. Она словно съежилась, стала тише, как будто на самом деле ее там не было. Присутствие отца было гораздо более давящим, неприветливым, бросающимся в глаза, безрадостным. Он все время буравил Кэти тяжелым взглядом. Я еле пережил обед в родительском доме. Кэти не особенно понравилась родителям, и они не радовались за меня. Не знаю, почему меня это даже не удивило.

После обеда отец удалился в кабинет и больше оттуда не выходил. Во время прощания мама обнимала меня слишком долго, и это было слишком близко для меня. Она с трудом держалась на ногах. Меня вдруг накрыло тихое отчаяние. Когда мы уехали оттуда, я знал, что часть меня так и осталась там – вечным ребенком, словно в ловушке. Я ощущал полную беспомощность, безнадежность,

и глаза жгло от подступивших слез. И тут меня в очередной раз удивила Кэти. Она крепко обняла меня и прошептала: «Теперь я все поняла. И люблю тебя еще сильнее!» – и больше ничего не стала объяснять. Да этого и не требовалось.

* * *

В апреле мы с Кэти расписались в маленьком регистрационном бюро неподалеку от Юстон-сквер. Мы не пригласили родителей. И никакого Бога. Кэти не хотела устраивать венчание в церкви, поэтому я мысленно произнес краткую молитву, пока нас регистрировали в бюро. И возблагодарил Господа за неожиданное счастье, которого я не был достоин. Теперь я прозрел и четко видел Его великую цель. Бог вовсе не покидал меня в детстве, одинокого и напуганного. Нет, он, как ловкий маг, хранил Кэти, словно козырь, чтобы «достать» ее из рукава, когда придет время.

Я был переполнен ощущением смирения и благодарил небо за каждую секунду, проведенную рядом с ней. Я понимал, что вытянул счастливый билет. Мне выпал невероятный, очень редкий шанс повстречать такую любовь! Я осознавал, как редко такое случается. Остальным повезло меньше. Большинство моих пациентов никто не любил. И Алисию Беренсон не любили.

Сложно представить двух менее схожих женщин, чем Кэти и Алисия. Кэти вызывала во мне мысли о свете, тепле, ярких красках и смехе. Алисия – только о пропасти, темноте и печали. И молчании.

Часть II

Подавленные эмоции никуда не деваются. Их хоронят заживо, но со временем они обязательно прорвутся наружу в куда более отвратительном виде.

Зигмунд Фрейд

16 июля

Вот уж не думала, что буду мечтать о дожде. Четвертую неделю стоит жара – погода устроила нам тест на выносливость. Каждый день кажется жарче предыдущего. Неужели это Англия? Больше похоже на Грецию или какую-нибудь другую южную страну. Я пишу сейчас в парке Хэмпстед-Хит. Газоны и скамейки усеяны расprostертыми на полотенцах полуголыми людьми с обгоревшими до красноты лицами. Напоминает пляж или поле битвы.

Сажу на скамейке в тени. Сейчас шесть часов вечера, и раскаленный воздух начинает понемногу остывать. На золотистом небе низко висит красноватое солнце. В этот час парк выглядит иначе – тени глубже, цвета ярче. Трава будто в огне... огненные всполохи под моими ногами...

По дороге сюда я сняла обувь и шла босиком. Совсем как в детстве, когда играла во дворе. А потом вспомнилось такое же жаркое лето, когда погибла мама. Мы с Полом носились на велосипедах по полям, покрытым золотым ковром диких маргариток, залезали в заброшенные дома и населенные призраками сады. В моей памяти то лето длится вечно. Я помню маму и те цветастые топы, которые она носила, с желтыми тянущимися бретельками, такими тонкими и изящными, как и она сама. Мама была хрупкой, словно маленькая птичка. Она часто включала радио, брала меня на руки, и мы танцевали под поп-музыку. До сих пор отчетливо помню мамин запах: шампунь, сигареты, крем для рук от «Нивеа» и неременный легкий оттенок водки. Сколько ей тогда было? Двадцать восемь? Двадцать девять? Меньше, чем мне сейчас. Надо же...

По пути сюда я заметила на тропинке возле корней дерева крохотную птичку. Я подумала, что она вывалилась из гнезда. Птичка не шевелилась – видимо, бедняжка поломала крылья. Я тихонько погладила пальцем ее головку. Птичка не шевелилась. Тогда я осторожно взяла ее в руки и повернула. Нижняя часть тельца отсутствовала напрочь – плоть была съедена червями: белые, толстые, скользкие черви извивались, крутились и лезли друг на друга. Мой желудок болезненно сжался, я испугалась, что меня вывернет. Это было так грязно, отвратительно – и слишком сильно напоминало о смерти. И до сих пор стоит у меня перед глазами.

17 июля

Я спасаюсь от жары в итальянском кафе «Л'Артиста»[12 - «Художница» - в переводе с испанского языка.] на главной улице. Здесь на всю мощность работают кондиционеры и холодно, как в морозилке. Сажу за своим любимым столиком у окна и потягиваю кофе со льдом. Иногда читаю, делаю зарисовки или пишу заметки. Но бо?льшую часть времени просто наслаждаюсь прохладой, позволяя себе ни о чем не думать. За кассой скучает красивая девушка. Она что-то смотрит в телефоне, поглядывает на часы и вздыхает. Вчера вечером ее вздохи показались мне особенно тяжелыми. Судя по всему, девушка ждет, когда же я попрошу счет, чтобы закрыть кафе и пойти домой, и я неохотно ухожу.

Идти по жаре - все равно что брести сквозь густую грязь. Все тело ноет, как будто меня били, сил нет совершенно. Мы не готовы к столь экстремальным температурам. Это же Англия! У нас в доме нет кондиционеров. Интересно, у кого они есть? Ночью невозможно уснуть, приходится сбрасывать все покрывала и лежать на кровати нагишом, утопая в поту. Мы открываем окна настежь, но в воздухе нет и намека на ветерок - только мертвая раскаленная духота.

Вчера я купила электрический вентилятор, поставила у изножья кровати и направила прямо на нас.

- Он слишком громко гудит. Так мы никогда не уснем, - стал жаловаться Габриэль.

- Мы в любом случае не уснем. С вентилятором хотя бы не придется потеть, как в сауне.

Габриэль проворчал нечто невнятное - и уснул раньше меня. А я лежала и вслушивалась в гудение вентилятора. Мне нравится звук вращающихся лопастей. Он убаюкивает. Можно закрыть глаза, поддаться мелодии и незаметно провалиться в сон.

Теперь я ношу за собой этот вентилятор из комнаты в комнату - то выдергиваю, то втыкаю вилку электропитания. Сегодня решила взять его в мастерскую в глубине сада. С вентилятором это терпимо, и все равно соображаю с трудом - работа не ладится. Я отстаю от графика, но жара так давит, что у меня нет сил переживать по этому поводу.

Наметился небольшой прорыв: я наконец поняла, что не так с изображением Иисуса. Почему на меня это не действует. Дело не в композиции: Иисус распят на кресте. Проблема в том, что на картине изображен не Иисус. Мы не знаем, как Он выглядел, но у меня получился не лик Христа. Это лицо Габриэля. Ума не приложу, как я раньше не заметила. Сама не знаю, как и почему я нарисовала на кресте своего мужа: его лицо, его тело... Я схожу с ума? Видимо, придется оставить все как есть и довести работу над картиной до конца.

Всякий раз, когда у меня появляется идея, замысел того, что? это должно быть, я не в силах воплотить его в жизнь. В итоге выходит нечто пустое, безжизненное. Но если действительно не спешить и вникнуть, я иногда слышу шепот, который указывает, куда двигаться дальше. И если я следую за ним, как будто это предопределено, он приводит меня к чему-то неожиданному, не к тому, что я задумывала, но потрясающе живому и прекрасному. И результат совершенно не зависит от меня – полотно приобретает собственную жизненную силу!

Должна признаться, меня пугает вот так отдаваться неведомому. Я предпочитаю знать, куда двигаюсь. Именно поэтому я всегда начинаю работу с огромного количества предварительных набросков, желая максимально точно представлять конечный результат на холсте. Неудивительно, что в итоге они так и остаются набросками – ведь я совершенно не представляю себе, что в те моменты происходит передо мной. Нужно открыть глаза – и наконец увидеть реальность, когда происходит это «настоящее», а не то, как мне хотелось бы это видеть.

Теперь, осознав, что у меня вышел портрет Габриэля, я могу вернуться к началу, сделать все заново. Попрошу его попозировать мне. Давно он не помогал мне в этом. Надеюсь, Габриэль оценит идею и не скажет, что это святотатство. А то его иногда переключивает.

18 июля

Сегодня утром я прошлась до Кэмденского рынка[13 - Кэмденский рынок – известное в Лондоне место, где продают дизайнерские, альтернативные и винтажные предметы искусства, одежду, мебель, музыкальные виниловые пластинки, а также многое другое.]. Я там сто лет не была. Последний раз мы

ходили туда с Габриэлем, когда он решил вспомнить юные годы. Подростком Габриэль с друзьями часто болтался на Кэмденском рынке – чудесное время бессонных ночей, танцев, выпивки и нескончаемых разговоров. Мальчики заглядывали на рынок ранним утром: посмотреть, как торговцы раскладывают товар. Иногда удавалось разжиться «травкой» – она всегда имелась у растаманов, ошивавшихся на мосту возле кэмденских шлюзов. Однако мы с Габриэлем никаких дилеров там не встретили.

– Здесь все изменилось до неузнаваемости. Теперь это чистенький туристический маршрут, – огорченно произнес он тогда.

Сегодня, гуляя по рынку, я подумала: а ведь дело не столько в том, что изменился рынок, сколько в том, что изменился сам Габриэль. Здесь и по сей день полно шестнадцатилетних подростков. Вот они, загорают на обоих берегах канала под ярким солнцем. Куча оголенных тел: раздетые по пояс мальчики с закатанными покороче шортами, девчонки в лифчиках или узеньких купальных топиках. Повсюду обнаженная плоть, сгорающая под немилосердными солнечными лучами. Бьющая ключом сексуальная энергия – их ненасытная, нетерпеливая жажда жизни. Мощный импульс задел и меня: я ощутила сильное желание заняться любовью с Габриэлем. Мне дико захотелось почувствовать его мускулистое тело, сильные ноги, его бедра – сверху, на мне.

Занимаясь с Габриэлем любовью, я всегда чувствую этот неутолимый голод; это ни с чем не сравнимое чувство целостности, когда мы сливаемся воедино. Чего-то большего, чем просто я, чем мы оба. Этого не описать словами – какое-то таинство.

Неожиданно мое внимание привлек бездомный. Он сидел на тротуаре неподалеку и смотрел на меня. Брюки мужчины держались на веревке, подметки были примотаны к ботинкам скотчем. Кожа на лице пестрела растрескавшимися волдырями. Меня вдруг накрыло унынием и отвращением. От него разило застарелым потом и мочой. На мгновение показалось, что бездомный обращается ко мне. Потом я поняла, что он просто бормочет ругательства себе под нос: «чертово» то да «чертово» это. Я нащупала в сумке мелочь и подала мужчине. А затем побрела домой, медленно, шаг за шагом поднимаясь на наш холм.

Сейчас дорога показалась гораздо круче. Как будто шла вечность под изнуряющим пеклом. По какой-то причине мысли о несчастном бездомном не

выходили из головы. Помимо чувства жалости, было что-то еще, необъяснимое, похожее на страх. Я представила бедолагу младенцем у матери на руках. Могла ли несчастная вообразить, что ее сын превратится в грязного, воняющего мочой, полубезумного оборванца, который станет коротать дни, сидя на тротуаре и бормоча ругательства?

Я задумалась о своей матери. Была ли она сумасшедшей? Почему она это сделала? Почему пристегнула меня к пассажирскому креслу своей желтой «Мини» и на полном ходу въехала в стену из красного кирпича? Я обожала мамину машину такого веселого канареечно-желтого цвета. Такой же оттенок есть у меня в коробке с красками. С тех пор я возненавидела желтый цвет. Каждый раз, когда приходится его использовать, я думаю о смерти.

Почему мама так поступила? Этого я уже никогда не узнаю. Раньше я думала, что мама хотела совершить самоубийство. А теперь расцениваю ее поступок как попытку убийства. Ведь, помимо мамы, в салоне машины находилась еще и я. А может, она собиралась убить только меня, а не нас обеих? Впрочем, нет. Это уже слишком. С чего бы ей желать смерти собственной дочери?

Еще когда я поднималась на холм, на глаза навернулись слезы. Я плакала не по матери, и не по себе, и даже не по тому несчастному бездомному. Я оплакивала всех нас. Вокруг столько боли, а мы просто закрываем на это глаза... Правда в том, что мы все боимся. Мы в ужасе друг от друга. Я боюсь самой себя и того, что во мне от матери. Унаследовала ли я ее безумие? Вдруг да? Неужели и я...

Нет! Хватит! Пора остановиться. Я не собираюсь писать об этом. Ни за что.

20 июля

Вчера вечером мы с Габриэлем ужинали не дома. Мы часто ходим куда-нибудь по пятницам. «Романтический вечер», как говорит Габриэль со своим дурацким американским акцентом. Он не выставляет чувства напоказ и нарочито высмеивает все то, в чем заподозрит «розовые сопли». Габриэль предпочитает думать о себе как о циничном и лишенном сентиментальности человеке. На самом же деле он очень романтичный – в глубине души, не на словах. Поступки гораздо красноречивее слов, верно? А поступки Габриэля заставили меня влюбиться в него по уши.

- Куда хочешь пойти? – спросила я.

- Угадай. У тебя три попытки.

- «У Аугусто»?

- С первого раза в точку!

«У Аугусто» – итальянский ресторанчик, расположенный неподалеку. Ничего особенного в нем нет, но это наше с Габриэлем излюбленное место, там мы провели массу незабываемых вечеров. Из дома вышли около восьми часов. Кондиционеры в ресторане не работали, поэтому мы выбрали столик у распахнутого окна и, сидя в душном, густом, влажном воздухе, потягивали охлажденное белое сухое вино. Я здорово захмелела, мы много смеялись, зачастую без повода. Мы целовались, выйдя из ресторана, и занялись любовью дома.

Слава богу, Габриэль не стал возражать против вентилятора, хотя бы пока мы в постели. Я поставила его перед нами, и мы лежали под прохладным ветерком в объятиях друг друга. Габриэль нежно провел пальцами по моим волосам и поцеловал меня. «Я люблю тебя», – прошептал он. Я не ответила. К чему слова? Габриэль и так знает, что я к нему чувствую.

И тут я одной неловкой идиотской фразой разрушила все волшебство, спросив, не согласится ли Габриэль побыть моделью для моей картины.

- Я хочу тебя нарисовать, – сказала я.

- Снова? Ты уже рисовала.

- С тех пор прошло четыре года. Я хочу нарисовать тебя еще раз.

- Давай, – вяло произнес он. – Что задумала изобразить?

Я помедлила, а потом призналась, что хочу написать распятого Христа.

Габриэль рывком сел в кровати и сдавленно засмеялся.

– Алисия, ты серьезно?

– Вполне.

– Я не уверен, что подхожу на эту роль, любовь моя. – Габриэль покачал головой.

– Почему нет?

– А ты как думаешь? Нарисовать меня распятым на кресте? Что скажут люди?

– С каких пор тебя стало заботить мнение окружающих?

– Мне плевать на него по многим пунктам, но ты хоть понимаешь, что могут подумать? Они вообразят, будто так видишь меня ты!

– Я не считаю тебя сыном Бога! – Я расхохоталась. – Это лишь образ. Получилось само собой, когда я писала картину. Я даже не задумывалась об этом.

– А стоило бы задуматься.

– Почему? Это не аллегория на тебя или наш брак!

– Тогда что же это?

– Откуда я знаю?!

– Ладно, черт с ним. Уговорила! – со смехом объявил Габриэль. – Если ты этого хочешь, давай попробуем. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

В его словах не прозвучало особой поддержки, но я знаю, что Габриэль верит в меня и мой талант. Если б не муж, я так и не начала бы писать картины. Только благодаря его подталкиваниям, колким шуточкам и словам одобрения я сумела преодолеть несколько бесплодных лет после художественного училища. В то время я пробавлялась лишь тем, что расписывала стены с Жан-Феликсом.

К моменту встречи с Габриэлем я потеряла себя. Я не знала, куда двигаться. Я совершенно не скучаю по вечно пребывающим под кайфом «приятелям», с которыми проводила бесконечные вечера. Я разменяла третий десяток. Так называемые «друзья» исчезали с рассветом, словно вампиры, боящиеся солнечного света. Когда я встретила Габриэля, вся эта шушера, которая крутилась вокруг меня, растворилась в мгновение ока. Я даже не заметила как. Я в их компании больше не нуждалась. Отныне мне не был нужен никто, кроме Габриэля. Он спас меня – совсем как Иисус. Наверное, именно поэтому я подсознательно нарисовала Габриэля в роли Спасителя.

Габриэль для меня – всё. С первого дня нашей встречи и до сих пор. Что бы он ни сделал, что бы ни произошло, я буду его любить. Как бы он меня ни расстроил, в каком бы грязном или неопрятном виде ни предстал передо мной, как бы эгоистично или бездумно ни поступил, я буду его любить. Я принимаю Габриэля таким, какой он есть. До тех пор пока смерть не разлучит нас.

21 июля

Сегодня Габриэль пришел ко мне в мастерскую и позировал для картины.

– Только давай сразу договоримся: целыми днями я сидеть у тебя не смогу, – предупредил он. – Сколько сеансов понадобится?

– Уж точно не один. Надо сделать все как следует.

– Ищешь предлог проводить больше времени вдвоем? Тогда предлагаю перейти сразу к делу, то есть в спальню, – подшучивал Габриэль.

– Может быть, позже. – Я хихикнула. – Только если ты будешь вести себя хорошо и перестанешь вертеться.

Я расположила мужа напротив вентилятора. Пряди волос надо лбом Габриэля слегка развевались.

– Как мне лучше встать? – спросил он, принимая утрированно героическую позу.

– Просто стой, как тебе удобно. Не нужно никого изображать.

– Вероятно, мне следует изобразить на лице мучения?

– Не думаю, что на лице Христа отражались мучения. Я вижу его другим. Не надо никаких гримас. Просто стой там и не шевелись.

– Как скажешь, начальник.

Габриэль вытерпел минут двадцать. А затем пожаловался, что устал.

– Тогда садись, – предложила я. – Но не разговаривай. Я сейчас прорабатываю лицо.

Он послушно сел на стул и не раскрывал рта, пока я делала эскиз. С каким удовольствием я рисовала лицо Габриэля! У него очень красивые черты: сильная челюсть, высокие скулы, аристократический нос. Сидя на стуле в мастерской с выставленным освещением, он напоминал греческую статую. Изваяние одного из легендарных героев.

И все же работа не ладилась. Я не могла понять, в чем дело, – возможно, не стоило так усердствовать. Никак не получалось верно передать ни разрез глаз, ни их оттенок. Первое, что я заметила, глядя Габриэлю в глаза, – это их блеск; словно в радужке прятался крохотный бриллиантик. Но почему-то я никак не могла поймать этот блеск сейчас. Наверное, у меня не хватает мастерства, а может, во взгляде Габриэля есть нечто особенное, что невозможно «запечатать» в картину. Как я ни билась, глаза Габриэля по-прежнему оставались пустыми, безжизненными. Я начинала злиться.

– Черт возьми! Не получается, – раздраженно пробормотала я.

– Сделаем перерыв?

– Видимо, да.

– Предлагаю секс!

– Я «за»! – ответила я со смешком.

Габриэль подскочил, порывисто обнял меня и прижался губами к моему рту. Мы занялись любовью прямо там, на полу мастерской. И все же я ни на секунду не могла отвлечься от мертвых глаз на неоконченном портрете. Эти глаза преследовали меня, испепеляли. Пришлось отвернуть мольберт в сторону, но я все равно ощущала на себе пристальный взгляд...

2

После встречи с Алисией я отправился к профессору с отчетом. Диомидис оказался у себя в кабинете: рассортировывал нотные листы с партитурами.

– Как прошла беседа? – не поднимая головы, подал голос профессор.

– Честно говоря, мы не беседовали, – признался я.

Диомидис перестал рыться в нотах и непонимающе уставился на меня.

– Перед тем как приступить к работе с Алисией, необходимо для начала вернуть ей способность мыслить и чувствовать, – помедлив, произнес я.

– Согласен. Так в чем же дело?

– Невозможно добиться устойчивого контакта с человеком, который находится под воздействием тяжелой седации. Алисия словно глубоко под водой.

– Я бы так не сказал, – нахмурился профессор. – Не скажу точно, на какой она дозировке...

– Я уточнил у Юрия. Шестнадцать миллиграмм «Рисперидона». Лошадиная доза!

– Да, немало... – Диомидис приподнял бровь. – Это и в самом деле немало. Думаю, можно уменьшить дозировку. Кристиан возглавляет команду, которая занимается Алисией. Вам стоит переговорить об этом с ним.

- Полагаю, было бы лучше, если б распоряжение исходило от вас.

- Вы ведь знакомы с Кристианом еще по Бродмуру, верно?

- Очень поверхностно.

Диомидис задумался. Затем взял из вазочки на письменном столе миндальный орешек в сахаре и жестом предложил мне угоститься. Я отрицательно мотнул головой. Пристально глядя на меня, профессор закинул миндалинку в рот и с хрустом разгрыз.

- Скажите-ка, Тео, все ли гладко между вами с Кристианом? - наконец произнес он.

- Странный вопрос. Что навело вас на эту мысль?

- Я ощущаю между вами некоторую враждебность.

- Только не с моей стороны.

- А с его?

- Тут лучше спросить Кристиана. У меня с ним проблем нет.

- Хммм... Возможно, мне кажется, но я определенно улавливаю напряжение. Тут надо осторожнее. Ведь любые конфликты или конкуренция мешают рабочему процессу. Вам обоим следует работать вместе, а не друг против друга.

- Знаю.

- Итак, вопрос о медикаментах для Алисии нужно также обсудить с Кристианом. Вы хотите, чтобы к ней вернулась способность ощущать. Понимаю. Только помните: увеличивая чувствительность, мы увеличиваем риски.

- И кто же рискует?

– Алисия, естественно! Имейте в виду, – Диомидис направил на меня указательный палец, – в первое время она неоднократно пыталась покончить с собой. А седативные препараты приводят ее в стабильное состояние. Благодаря им Алисия до сих пор жива. Если мы снизим дозу, высока вероятность того, что на бедняжку снова нахлынут чувства, с которыми она не сможет справиться. Готовы ли вы так рисковать?

Слова профессора произвели на меня сильное впечатление. Однако я не собирался поворачивать назад.

– Придется пойти на риск, профессор, – решительно сказал я. – Иначе нам до Алисии не достучаться.

– В таком случае я поговорю с Кристианом, – пожал плечами Диомидис.

– Большое спасибо.

– Посмотрим, что он скажет. Психиатры терпеть не могут, когда им указывают, как нужно лечить пациентов. Безусловно, я могу принудить Кристиана подчиниться, но я не сторонник подобных мер. Я аккуратно прозондирую почву, а потом сообщу вам его мнение.

– Если можно, не упоминайте в разговоре мое имя, – попросил я.

– Понимаю. Что ж, договорились, – и профессор кивнул с загадочной улыбкой.

Он извлек из ящика письменного стола небольшую коробочку и аккуратно сдвинул крышку. Внутри лежали сигары. Диомидис предложил мне взять одну. Я снова отказался.

– Вы не курите? – В голосе профессора послышалось удивление. – Странно... Глядя на вас, я решил, что вы курильщик.

– Нет-нет. Я не курю. Так, балуюсь изредка. Но пытаюсь бросить.

– Молодец! Правильно. – Диомидис распахнул окно. – Знаете анекдот, почему психотерапевт не должен курить? Потому что иначе он хреновый спец! –

Профессор ухмыльнулся и сунул сигару в рот. – Мы тут все немного того. Одно время в кабинетах появились таблички с забавной надписью: «Не нужно быть психом, чтобы работать здесь, но это помогает». Помните такие?

Диомидис рассмеялся. Я с завистью смотрел, как он поджег кончик сигары и раскурил ее. Комната наполнилась дымом.

3

После обеда я метался по коридорам в поисках выхода. Отчаянно тянуло закурить. Но не успел я выбраться на улицу, как у пожарного выхода меня заметила Индира. И решила, что я заблудился.

– Не волнуйтесь, Тео, – успокаивающе проговорила она, беря меня за руку, – я месяцами плутала, пока не разобралась в этом лабиринте. Иногда кажется, что здесь вообще нет выхода. До сих пор путаюсь, куда идти, хотя работаю в Гроуве уже десять лет.

Не дожидаясь ответа, прежде чем я смог что-либо возразить, Индира поволокла меня пить чай в «аквариум».

– Сейчас поставлю чайник. Ну и погодка! Черт-те что... Пошел бы уж наконец снег, и дело с концом! – болтала она. – Кстати, снег очень символичен, не находите? Например, «начать с чистого листа». Замечали, как часто пациенты говорят про снег? Обратите внимание. Любопытный момент.

Неожиданно Индира выудила из сумки большой кусок торта, аккуратно обернутый в пищевую пленку, и вручила мне:

– Держите. Ореховый торт. Вчера испекла специально для вас, Тео.

– Ох, большое спасибо! Я...

– Знаю, это против правил, но я всегда в начале сеанса угощаю сложных пациентов кусочком торта. И работа сразу идет на лад!

– Еще бы! – Я расхохотался. – По-вашему, я сложный пациент?

– Нет. – Индира засмеялась. – Между прочим, мой хитрый прием отлично работает и на трудных сотрудниках, к которым вы, слава богу, не относитесь. Немножко сладкого для улучшения настроения не повредит! Раньше я пекла торты для нашей столовой, а потом пришла Стефани и устроила скандал. Видите ли, санитарные правила запрещают приносить еду извне. Чутье какая! Будто я напильник сюда пронесла, честное слово!.. Я все равно потихоньку пеку сладкое. В знак протеста против ее тирании. Попробуйте кусочек! – не терпящим возражений тоном проговорила Индира.

Я откусил немного. Торт оказался и вправду вкусным: сочный, с насыщенным ореховым вкусом, сладкий.

– Думаю, эта штука запросто может настроить пациентов на нужную волну, – невнятно проговорил я, прикрывая набитый рот ладонью.

Индира заулыбалась с довольным видом. И тут я понял, почему она мне понравилась, – ее окружала аура материнского тепла и спокойствия. Она напоминала Рут, моего давнего терапевта. Я не мог представить Индиру злой или раздраженной.

Пока она возилась с чаем, я решил осмотреться. Сестринский пост традиционно считается сердцем, центральной частью любого отделения в больнице: отсюда и сюда постоянно курсирует персонал, ежедневное руководство отделением происходит именно здесь. На сестринском посту решаются важнейшие практические вопросы. Пост прозвали «аквариумом», потому что он огорожен панелями из армированного стекла: так персоналу удобнее приглядывать за пациентами, находящимися в комнате отдыха. Теоретически. На практике получалось ровно наоборот: пациенты застывали у прозрачных стен и пялились на нас, и в итоге под пристальным наблюдением оказывались мы сами. Места в «аквариуме» было мало, стульев раз-два и обчелся, да и те занимали медсестры, печатающие отчеты. Поэтому остальным приходилось жаться, стоя в центре тесного помещения или облокотившись о стол. Создавалось ощущение, что «аквариум» постоянно набит до отказа, даже если там находилось не очень много народу.

– Держите, мой хороший, – проворковала Индира, вручая мне кружку с чаем.

- Спасибо.

В «аквариум» зашел Кристиан. Мы обменялись кивками. Сильно пахнуло его излюбленной мятной жвачкой. Помню, в Бродмуре он много курил, как и я, – то единственное, что нас объединяло. Вскоре после нашего знакомства Кристиан уволился из Бродмура, потом женился, а недавно у него родилась дочка. Интересно, какой из него вышел отец? Кристиан не производил впечатление особенно ласкового человека.

- Те же и там же. Забавно, – с холодной улыбкой процедил он.

- Мир тесен.

- Если говорить о специалистах по психиатрии, то да.

Видимо, Кристиан намекал, что у него имеются и другие интересы, помимо работы. Любопытно какие? Если честно, я мог представить его лишь в «качалке» или в жесткой схватке[14 - В данном случае имеется в виду элемент игры в регби, который формируют по восемь игроков из каждой команды, обхватив друг друга руками, выстроившись в три линии и сомкнувшись с соперниками.] на поле для регби.

Пару секунд Кристиан молча смотрел на меня в упор. Я совсем отвык от его манеры делать паузы, зачастую весьма продолжительные, вынуждающие собеседника ждать, пока он соизволит ответить. Внутри опять поднималась волна раздражения, совсем как это было в Бродмуре.

- Ты присоединяешься к коллективу в неудачное время, – наконец произнес Кристиан. – Над Гроувом занесен дамоклов меч.

- Все настолько плохо?

- Это лишь вопрос времени. Рано или поздно управляющая компания закроет клинику. Отсюда вопрос: что здесь делаешь ты

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Анна Франк (1929–1945) – еврейская девочка, погибшая в концлагере, автор дневника, написанного по-голландски в период оккупации Нидерландов нацистами.

2

Сэмюэл Пипс (1633–1703) – английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев в годы Реставрации Стюартов.

3

Самое сердце творческой жизни Лондона, арт-район.

4

Бродмур – знаменитая лечебница для маньяков.

5

Зигмунд Фукс (1898–1976) – английский психоаналитик, один из основателей группового анализа. Член Британского психоаналитического общества с 1937 г. Директор Лондонского института группового анализа с 1971 г.

6

Отрывок из пьесы «Невеста в трауре» У. Конгрива (1670–1729), английского драматурга эпохи классицизма.

7

Перенос – это перенесение пациентом на психоаналитика тех чувств, которые пациент прежде испытывал к неким важным для себя людям и в которых, что важнее, сам себе не признавался. В свою очередь, контрперенос – это бессознательный эмоциональный ответ, реакция аналитика на пациента.

8

Речь идет о герое «Алкесты», Адмете.

9

Пинта – традиционная английская мера объема, равная 0,57 л.

10

Верхний Вест-Сайд – элитный жилой район Нью-Йорка, расположенный в непосредственной близости от Центрального парка.

11

Кентиш-таун – недорогой, но весьма приличный район на северо-западе Лондона.

12

«Художница» – в переводе с испанского языка.

13

Кэмденский рынок – известное в Лондоне место, где продают дизайнерские, альтернативные и винтажные предметы искусства, одежду, мебель, музыкальные виниловые пластинки, а также многое другое.

14

В данном случае имеется в виду элемент игры в регби, который формируют по восемь игроков из каждой команды, обхватив друг друга руками, выстроившись в три линии и сомкнувшись с соперниками.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaelides_aleks/bezmolvnyy-pacient

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)